

Джордж Рюде

НАРОДНЫЕ НИЗЫ в ИСТОРИИ 1730–1848

Перевод с англ. Е.Бухаровой и О.Зелениной
Предисловие и редакция д.ист.н. М.А.Барга

М.: Прогресс. 1984

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и Век Просвещения 2008

ЛИКИ ТОЛЫ

В предыдущих главах было дано некоторое представление об изменчивом составе тон части общества, которую я условно назвал народными низами «доиндустриального» периода. Были рассмотрены, например, такие вопросы, как роль крестьян и сельских ремесленников в сельскохозяйственных бунтах во Франции и сходная роль промышленных рабочих в Англии; разрушение машин как наиболее распространенная форма экономической борьбы английских шахтеров и ткачей; возрастной состав бунтовщиков; участие женщин в некоторых основных событиях Французской революции и та роль, которую фермеры и сельскохозяйственные рабочие соответственно играли в голодных бунтах в Англии в 30-е и 40-е гг. XIX в., а рабочие железнодорожных ремонтных мастерских Парижа — в событиях июня 1848 г. Все эти примеры позволяют предположить, что характер и формы массовых выступлений тесно связаны с социальным, профессиональным и т.д. составом их участников. Однако этому аспекту проблемы историки и социологи почти не уделяли внимания. Историки, как мы видели, стремились обойти этот вопрос, оперируя такими общими, предвзятыми или субъективными категориями, как «чернь» и «толпа» и, следуя языку графа Клорендона, «немые безымянные люди», «каналы» по примеру Тэна или «плебс», повторяя Мишле. Судя по всему, они пришли к выводу, что независимо от того, заслуживают ли те или иные массовые выступления похвалы или порицания, низы следует трактовать как некую абстрактную категорию, безликую и однородную. Но и социологи, авторы серьезных исследований, посвященных проблеме поведения масс и обусловливавших его мотивов, сделали в этом отношении немногим больше.

Во вступлении к данной работе указывалось на сложность обсуждаемой проблемы. Мало того, что историки в данном случае имеют дело лишь с «мертвым» архивным материалом, последний по большей части недостаточно полон и достоверен. Поэтому, если нас интересуют социальные и профессиональные различия, нелегко определить, был ли упомянутый в документе «плотник» мастером или наемным рабочим. Как напоминает профессор Собуль, Морис Дюпле, к примеру, в чьем доме на Рю-Сен-Оноре в Париже жил Робеспьер, описан в источниках как столяр-краснодеревщик, тогда как он пользовался трудом 30 наемных рабочих; его годовой доход составлял 10-12 тысяч ливров, и, по словам его дочери, он ни за что не позволил бы кому-нибудь из своих рабочих или учеников сесть с ним за один стол¹. Дело здесь, конечно, не в том, что клерки того времени были небрежны в таких вещах, просто современники XVIII и начала XIX вв., даже столь усердные и методичные, как полицейские комиссары и секретари-переписчики, оценивали общественные явления в иных социальных категориях по сравнению с теми, которыми мы оперируем сегодня. Пока общество оставалось по своей структуре иерархическим, а мобильность между классами была явлением довольно редким — или, во всяком случае, фактором предосудительным с точки зрения властей, — место индивидуума в обществе определялось в основном не классовой принадлежностью, а разного рода «рангами», «чипами», «постами» и «званиями»: в силу различных исторических условий это иерархическое разделение сохранилось во Франции дольше, чем и Англии.

Во Франции до революции было общепризнанным, что наиболее значительным общественным водоразделом был тот, который отделял привилегированных (знать и духовенство) от простолюдинов; к последним официально причисляли крестьян и банкиров, мастеров и наемных рабочих, фигурировавших под общим наименованием «третье сословие». Правда, неофициально и тогда уже проводили грань между собственниками или достопочтенными людьми (как знатного происхождения, так и незнатного) и лицами физического труда, выделяя крестьян, как правило, в отдельную социальную категорию. Однако категория рабочих по-прежнему применялась как для обозначения владельцев мастерской, так и работающих у них по найму. Только с начала нынешнего века «рабочим» стали называть человека, не просто занятого физическим трудом, а продающего свой труд предпринимателю. В Англии, где капиталистические отношения возникли раньше и развивались быстрее, переход к современной «терминологии классов», пройдя те же стадии, занял меньше времени. В 20—30-х гг. XIX в. слово «мануфактурист» могло означать и непосредственного производителя, и предпринимателя; термин «класс» до 1805 г. не употреблялся для обозначения социальной принадлежности; термины «рабочий класс» и «середине классы», вошедшие в обиход в 1812 г., до середины века употреблялись значительно реже, чем «трудящиеся классы» (эквивалент французского «classes laborieuses»). Старые же понятия, вроде «ранги», «чипы», «степени», окончательно вышли из употребления лишь тридцать лет спустя².

Вышеизложенное подтверждает, что даже в тех случаях, когда источники достаточно точно фиксируют имена, описывают отличительные особенности какой-либо категории бунтовщиков и забастовщиков, их правильная интерпретация — дело далеко не простое. Вместе с тем не следует поддаваться искушению осмыслить прошлое в категориях сегодняшнего дня, характеризуя массы «доиндустриального» периода в терминах более позднего времени. Именно за это критиковали французского писателя Даниэля Герена, отождествлявшего французских санкюлотов 1793—1795 гг. с представителями современного рабочего класса, только на ранней стадии его развития. Было бы, однако, столь же ошибочно впадать в другую крайность, слишком буквально и некритически воспринимая термины, употреблявшиеся писателями и историками изучаемого периода. Так, например, авторы петиции или полицейские агенты в XVIII в. могли использовать термин «рабочие» или «трудящиеся классы» применительно и к предпринимателям, и к рабочим. Общество находится в процессе непрерывного развития, и требуется определенный промежуток времени, прежде чем возникновение новых общественных форм и сил отразилось бы на «языке класса» в словарях и энциклопедиях. Приведем один лишь наглядный пример: появление новых классов — фабричных рабочих и промышленных предпринимателей, продукт английской промышленной революции, — стало объективной реальностью общественной жизни задолго до того, как современники осознали то, что произошло. В этом случае историк позднейшего времени, столь часто оказывающийся в невыгодном положении, имеет одно безусловное преимущество: он может в ретроспективе окинуть взглядом весь ход общественного развития и благодаря этому установить более точно суть происшедшего и на этом основании ввести в практику и соответствующие термины. Однако и на этом пути его подстерегает немало ловушек, требующих предельной осторожности; все выводы относительно социального состава масс «доиндустриального» периода, к которым можно прийти на основании изучения источников того времени, следует формулировать гипотетически, не претендуя на истину в последней инстанции.

Начнем с одного весьма распространенного заблуждения. По мнению Тэна и Гюстава Ле Бона, типичная мятежная толпа или революционная масса состоит из уголовных элементов, бродяг (французские — *gens sans aveu*) и разных подонков и отбросов общества. Ле Бон, например, доказывает этот тезис двояко: с одной стороны, толпа низводит и социально здоровые, рационально мыслящие элементы до общего животного уровня; с другой — она обладает притягательной силой для преступных, социально деградировавших элементов, лиц, обладающих ярко выраженным инстинктом разрушения³. Английские историки XVIII в., как правило, не оспаривали эту точку зрения. Правда, они избегали слишком унижительных выражений, но тем не менее квалифицировали городскую «чернь» как «обитателей трущоб», беднейших из бедных. Так, Дороги Джордж

считала, например, главными участниками Гордоновых бунтов 1780 г. «жителей опасных районов Лондона, всегда готовых пойти на грабеж». Исследователь более позднего времени Дороти Маршалл безапелляционно утверждала, что «толпа» состоит главным образом из социальных отбросов, сводников, проституток, воров и укрывателей краденого⁴. Судя по многочисленным свидетельствам, и хронисты того времени — представители как аристократии, так и средних классов — придерживались того же мнения.

Можно ли, однако, принять эту точку зрения, имеющую столь многочисленных сторонников? Действительно ли бунтовщиками, забастовщиками, мятежниками были в то время социальные отбросы, те самые «обитатели опасных районов», употребляя выражение Дороти Джордж, или, как писал Луи Шевалье, представители «опасных классов»?⁵ Современный уровень знаний не позволяет дать окончательный ответ на этот вопрос; более того, на основании имеющихся в нашем распоряжении документальных материалов и при незначительном объеме проведенных до сегодняшнего дня соответствующих исследований было бы абсурдом претендовать на это. И все же достаточно веские аргументы позволяют оспаривать вышеизложенную традиционную точку зрения, хотя на первый взгляд она кажется обоснованной. Нельзя отрицать, например, что социальные потрясения — причина бунтов того времени, как, впрочем, и любого другого, — создавали благодатную атмосферу для мелких уголовников всех мастей, готовых участвовать в любых беспорядках — будь то бунт или революция, чтобы нагреть себе руки. В предыдущих главах уже приводились многочисленные примеры, поясняющие эту мысль. Так, например, участники Гордоновых бунтов под лозунгом «Долой папизм!» ворвались в тюрьмы и освободили несколько сотен преступников, в их числе 134 — из Ньюгейта и 119 — из Кларкенуэлла Брайдуэлла; Горас Уолпол был недалек от истины, написав в разгар беспорядков, что «гораздо больше людей погибло от пьянства, чем от пули или штыка». Стоит вспомнить в этой связи и об одном из самых примечательных эпизодов Французской революции — о разграблении в июле 1789 г. монастыря Сен-Лазар в северной части Парижа: городская голытьба и безработные вынесли оттуда все до нитки. Подобные случаи были не редкостью в истории революций. И все же этих примеров, подтверждающих, казалось бы, точку зрения последователей Тэна и Ле Бона на природу «черни», недостаточно для ее обоснования. Более того, полицейские и судебные протоколы — источники, как считают, ненадежные, но, на наш взгляд, все же более достоверные, чем отрывочные и предвзятые свидетельства случайных наблюдателей, — опровергают эту точку зрения.

Приведу несколько примеров: из 160 человек, представших перед судом после подавления Гордоновых бунтов, лишь немногие имели судимость в прошлом. Показательно также, что многих арестованных их соседи и работодатели характеризовали положительно, обстоятельство тем более примечательное, что доносчики, напротив, как правило, пользовались скверной репутацией. Кроме того, почти все арестованные имели постоянное местожительство и занятие; только 15 было предъявлено обвинение в воровстве, которое, кстати сказать, в восьми случаях так и осталось недоказанным⁶. Дошедшие до наших дней гораздо более полные свидетельства о голодных бунтах во Франции в 1775 г., подробно описанных в одной из предыдущих глав, позволяют сделать более определенные выводы. Ранее уже упоминалось, что при подавлении этих бунтов полиция арестовала несколько сотен человек и, тщательно обыскав их, подвергла перекрестному допросу. Это позволило установить, кто из арестованных был нанят за деньги, кто был ранее заклеен на каторге или подвергался тюремному заключению за уголовные преступления и иные провинности. Результаты расследования показали, что почти все арестованные были местными жителями, бродяг насчитывалось всего несколько человек, а многие (особенно из арестованных в Париже) имели постоянное местожительство; тюремному заключению ранее подвергались лишь немногие из арестованных, причем, за единственным исключением, за мелкие преступления⁷.

Аналогичные, хотя и не столь детальные свидетельства можно обнаружить и в официальных документах, относящихся к тем или иным этапам Великой Французской революции 1789—1795 гг. В свидетельствах об арестованных, убитых и раненых или просто участниках событий. В начале 1789г. Париж был наводнен безработными из провинции и городской голытьбой, что вызывало серьезное

беспокойство как старых, так и новых властей города. Однако бродяги и преступные элементы играли крайне незначительную роль в бурных событиях того года, за исключением упоминавшегося выше ограбления монастыря Сен-Лазар. Из 68 человек, арестованных, убитых или раненых в ходе Ревейоновых бунтов в предместье Сент-Антуан в конце апреля, только 2 не имели постоянного места жительства, 3 других отбывали ранее тюремное заключение, причем из этих последних лишь один был заклеен за воровство. После взятия Бастилии не был арестован ни один человек — верный признак победы революции, однако до нас дошли имена всех 662 так называемых победителей Бастилии. Все они имели работу и постоянное местожительство; большинство жили в Сент-Антуанском предместье и соседних районах города. На последующих этапах революции качественный состав участников не претерпел изменений. Очередная крупная массовая демонстрация состоялась на Марсовом поле 17 июля 1791 г., куда тысячи людей пришли по призыву Клуба кордельеров для подписания петиции с требованием отречения Людовика XVI. В ходе беспорядков, сопутствовавших этим событиям, полиция и национальная гвардия арестовали 250 человек, предъявив им многочисленные обвинения; среди арестованных было 2 нищих, 3 не имели постоянной работы, 4 были судимы ранее (за незначительные преступления), но подавляющее большинство имело постоянное место жительства и работу. То же самое, без сомнения, можно сказать и об участниках штурма Тюильри в августе 1792 г., сокрушившего монархию. Основанием для такого вывода служат не только сведения о биографиях и занятиях восставших, почерпнутые из документов, но и тот факт, что в вооруженные отряды, участвовавшие в штурме Тюильри, принимались только лица с постоянным местом жительства. Дошедшие до нас свидетельства о волнениях 1793—1795 гг. не столь убедительны, но и они подтверждают вывод о том, что массы, совершившие Французскую революцию — на всех ее этапах, а не только в дни решающих политических событий, — состояли в основном из рассудительных граждан с постоянным местом жительства. Правда, это были люди простого происхождения, многие временно не имели работы, но бродяг, воров, проституток и прочих представителей социального дна было среди них совсем немного⁸.

Материалы об английских аграрных бунтах, особенно XVIII в., не столь подробны и доказательны: приходится полагаться на отрывочные и случайные свидетельства очевидцев, членов магистратов и газетчиков. Но и здесь складывается впечатление, что народный бунт и преступление — скорее случайные и временные попутчики, чем близкие знакомые. В 1776 г., когда волнения охватили южные, юго-восточные и западные графства, корреспондент «Джентльмене мэгэзин» сообщал из Беркшира: «В Рединге по приговору проведенной там выездной сессии суда присяжных за грабежи на дорогах казнены двое преступников — Уильям Симеон и Джон Скелтон. Они не принимали участия в мятеже»⁹.

Правда, в этой заметке ничего не сказано о полицейских протоколах, касающиеся участников беспорядков, по примечательно само по себе, что корреспондент счел необходимым разграничить два вида народной активности. Выше уже отмечалось, что «бунты Ревекки») в Западном Уэльсе и луддитские беспорядки на севере Англии на некоторых этапах сопровождались актами бандитизма, грабежами, беспричинными нападениями на граждан и уничтожением их имущества. Однако подобные действия играли второстепенную роль, будучи делом рук тех, кто пытался поживиться за чужой счет, воспользовавшись общей неразберихой во время бунтов*.

Сохранились достаточно подробные свидетельства о некоторых из упомянутых выше выступлений более позднего периода. Так, австралийские тюремные архивы, относящиеся к 30—40-м гг. XIX в., не менее точны, чем протоколы французской полиции, составленные за полвека до этого. Они свидетельствуют о том, что из 30 гончаров, шахтеров и других рабочих, сосланных на Тасманию за уничтожение имущества и разрушение домов в гончарных городках Стаффордшира в 1842 г., лишь 8 человек имели ранее судимость: один — за оскорбления и угрозы, другие — за разрушение изгородей, бродяжничество, за самовольный уход с работы, и только двое — за более серьезные правонарушения: изнасилование и грабеж**. Значительно большее число людей было сослано в Австралию за участие в бунтах «Свинга» в 1830 г. 94 из 325 сосланных на Тасманию и 11 из 139 сосланных в Новый Южный Уэльс

подвергались ранее арестам или тюремному заключению: в нерпой группе — чаще всего по обвинению в браконьерстве (в 32 случаях из 94); лишь человек 8—10 отсидели в тюрьме по шесть или более месяцев за словесные оскорбления и угрозы и воровство¹⁰.

Таким образом, лишь каждый четвертый бунтовщик из сосланных в 1842 г. и по двое в каждой девятке ссыльных 1830 г. ранее подвергались арестам или отбывали тюремное заключение***. Это, бесспорно, значительно превышает аналогичные показатели для участников хлебных бунтов 1775 г. или Французской революции. Однако для полноты картины необходимо сравнить процент лиц с повторной судимостью среди бунтовщиков и среди других правонарушителей, отправленных в эти две австралийские колонии за все время, в течение которого они служили местом ссылки; во второй группе этот процент, по подсчетам Ллойда Робсона, составлял 61¹¹. Относительно облика бунтовщиков, сосланных на Тасманию, можно в этой связи сделать еще более далеко идущие выводы, сравнив их поведение в колонии с поведением других заключенных. Участники бунтов 1842 г. получали предупреждения или были наказаны 91 раз, — иными словами, на каждого из них за время пребывания в колонии приходилось в среднем по 3 проступка; на каждого высланного сюда участника бунтов «Свинга» — по 1,7 проступка, тогда как другие преступники, высланные на Тасманию за период с 1803 по 1852 г., совершали (по данным Робсона) в среднем по 6 проступков на каждого до 1840 г. и по 4 — в последующий период. Безусловно, и среди бунтовщиков той и другой группы попадались такие, которые совершили в период ссылки значительно больше правонарушений (от 12 до 15), в том числе такие серьезные преступления, как изнасилование, грабежи и т.п. Однако в целом бунтовщики, и особенно ссыльные 1830 г., положительно зарекомендовали себя в глазах властей. Губернатор Артур, например, неоднократно отзывался о них как о людях примерного поведения, заключенных «высшего разряда»¹². Таким образом, имеются все основания сделать вывод, что и в этом случае преступление и бунт были случайными соседями, а не неразлучными спутниками.

Правда, свидетельства такого рода еще не позволяют полностью опровергнуть тезис, согласно которому «доиндустриальные» массы состояли главным образом из «трущобных жителей» больших городов, обитателей «неспокойных» районов и представителей «опасных» социальных групп. Окончательный вывод в данном случае можно сделать только на основании исчерпывающего анализа. На сегодняшний день имеются еще серьезные пробелы в этой области: недостаточно подробно освещены лондонские и парижские бунты начала XIX в. М. Луи Шевалье в своей работе о «трудящихся» и «социально опасных» классах Парижа 20—40-х гг. XIX в., представляющей собой блестящий образец социологического и демографического анализа населения в целом, обходит почти полным молчанием вопрос о составе участников мятежей и бунтов¹³: социологические проблемы Лондона XIX в. еще ждут своего исследователя. Поэтому нам придется обращаться к имеющимся уже работам, посвященным Французской революции и выступлениям лондонской «черни» XVIII в.. Содержащиеся в них факты позволяют сделать вывод, который вряд ли придется по душе «моралистам» и сторонникам традиционного взгляда на социальную структуру общества: восстания, забастовки и революционные выступления масс имели место чаще всего вовсе не в самых густонаселенных или самых «опасных» городских районах. В период Французской революции основными центрами революционной активности масс были районы «мелкого ремесленного производства» — Сент-Антуанское и Сент-Марсельское предместья и секция Гравилье, прилегавшие к густонаселенным районам города вокруг Главного рынка и ратуши. Еще более показательна в этом отношении «топография» лондонских бунтов. Конечно, голытьба из Сейнт-Джайлс-ин-зе-филдз и пользующихся дурной репутацией кварталов Холборпа (Филд-Лейн, Чик-Лейн, Блэк-Бой-Элли) — рассадниках мелкого воровства и пьянства, где селились главным образом поденщики и беднейшие из ирландских иммигрантов, охотно ходила па Тайберн-Фэр посмотреть на казни, о чем сокрушался Фрэпспс Пльйс; но непосредственными участниками бунтов были по большей части граждане, имевшие постоянную работу и проживавшие в спокойных кварталах, таких, как Сити, Стрэнд, Саутварк, Шордич, Спайтл-филдз¹⁴.

Но если обитатели трущоб и уголовные элементы не были главными ударными отрядами бунтующих масс «доиндустриального» периода, то кто же был их главной действующей силой в ходе бунтов и революций? Краткий ответ на этот вопрос едва ли вызовет удивление. Это были «низшие» слои городского и сельского населения, тени *peuple*, те, кого в Париже и других городах Франции называли в период революции санкюлотами. Бывали, безусловно, и исключения, когда к восставшим примыкали представители других социальных групп: например, в бурных событиях 1787—1795 гг. в Париже принимали участие студенты, учителя, военные, государственные служащие, представители судейского сословия, мелкие рантье, а в роялистском восстании в октябре 1795 г., (13 вандемьера) они, по-видимому, сыграли главную роль. В Лондоне во время Уилксовых бунтов 1763—1771 гг. «граждане почище» также в ряде случаев присоединялись к «черни». Однако, как правило, коммерсанты, предприниматели и просто более или менее зажиточные домовладельцы не принимали участия в демонстрациях и бунтах, не осаждали Бастилию, не брали штурмом Королевский дворец. Поскольку это касается стачек и бунтов, то это настолько ясно, что в доказательствах не нуждается. И даже в тех случаях, когда симпатии значительной части имущим классов были на стороне участников движения, первые предпочитали действовать руками плебса. Так это было в Париже во время революционных событий 1789 и 1792 гг., в июле 1830 г. и феврале 1848 г.; в Англии (хотя сравнение здесь весьма сомнительно) во время Уилксовых бунтов, в начальных фазах Гордоновых бунтов и в кампании 1831 г. за билль о реформе. (В Англии «низшие» слои чаще всего не получали действенной поддержки со стороны средних классов, что имело определенные политические последствия, которые будут проанализированы ниже.)

Таким образом, во Франции основными участниками бунтов и волнений того времени в городах были владельцы небольших мастерских, лавочники, подмастерья, самостоятельные ремесленники, рабочие мастерских и чернорабочие и городская голытьба, а в сельской местности — виноделы, мелкие крестьяне-собственники, деревенские ремесленники, безземельные батраки. В Англии к первым относились мелкие лавочники, уличные торговцы, ремесленники, наемные работники, прислуга и чернорабочие; ко вторым — ткачи, шахтеры, чесальщики шерсти, мелкие фермеры, фригольдеры, батраки на фермах и сельские ремесленники. В Англии фабричные рабочие начали принимать более или менее активное участие в массовых выступлениях только в 1830 г. (за исключением забастовок, в которых они участвовали и до этого). Во Франции они никак не были представлены в революционных боях 1789—1795 гг., да, по сути дела, и в событиях февраля и июня 1848 г.; что же касается рабочих мануфактур (текстильных, стекольных, табачных, фарфоровым и ковровых), то в событиях 1789 г. они играли далеко не столь заметную роль, как портовые грузчики и мастеровые на стройках.

Бесспорно, все вышеизложенное доказывает лишь то, что состав бунтовщиков в городах и в сельской местности в общем отражает социальную структуру «доиндустриального» общества. Однако это далеко не все, что можно сказать, поскольку категории бунтовщиков из «низших» слоев населения значительно варьировались от одного выступления к другому. И такие различия могут быть в высшей степени поучительны, поскольку проливают дополнительный свет на вопрос о природе самих беспорядков. Говорить о составе участников трудовых конфликтов, казалось бы, особо не приводится; однако и в этом случае можно было бы получить более четкое представление о сути того или иного конфликта, если бы сохранились документальные свидетельства о том, принадлежали ли их участники к низкооплачиваемой или высокооплачиваемой категории рабочих. В Лондоне, например, грузчики угля, ткачи, шлифовщики стекол и шляпочники, бастовавшие в 1768—1769 гг., получали более высокую заработную плату, чем рабочие большинства других профессий.

В истории Французской революции известен только один случай, когда рабочие, занимавшие особое место среди санкюлотов, сыграли, по-видимому, главную роль в выступлении, не являвшемся чисто трудовым конфликтом; речь идет о Ревейоновых бунтах в апреле 1789 г., участники которых требовали не только снижения цен на продукты питания, но и повышения заработной платы. В той же связи следует отметить, что женщины действовали более активно в тех случаях, когда на первый план выдвигались требования о снижении цен на

продовольствие и об удовлетворении других насущных потребностей трудящихся. Примером могут служить поход на Версаль в октябре 1789 г., голодные бунты 1792—1793 гг., последнее восстание санкюлотов в мае 1795 г. Во всех других случаях, особенно когда массовые выступления носили организованный характер, как, например, демонстрация на Марсовом поле, штурм Бастилии и Тюильри, в качестве основной движущей силы выступали хозяева небольших мастерских, самостоятельные ремесленники и наемные работники. Мелкие лавочники и владельцы небольших мастерских — главные носители революционных идей и лозунгов среди «низшего сословия» — зачастую привлекали своих наемных работников, учеников и подмастерьев к участию в совместных действиях¹⁵.

Английские аграрные бунты начала XIX в., как уже отмечалось, значительно различались по составу участников: в волнениях 1830 г. главную роль играли батраки южных графств, разрушавшие машины и поджигавшие стога у помещиков и фермеров, а в «бунтах Ревекки» 1840 г. в Уэльсе — мелкие арендаторы, подготавливавшие и осуществлявшие спой ночные вылазки. Все массовые движения прошлого, приобретавшие широкие масштабы, отмечены подобной разнородностью участников в различных районах страны. Пестрый состав участников бросается в глаза при анализе, например, французской «хлебной войны» 1775 г., когда борьба за общие интересы рядовым потребителям города и деревни объединила не только виноделов, мелких собственников-крестьян, сельских ремесленников в деревнях и торговых поселках, но и городских чернорабочих и грузчиков. Не менее показателен, хотя и не столь очевиден, разношерстный состав участников чисто аграрных движений, например выступлений английских батраков 1830 г. Большинство из них были батраками в полном смысле слова: пахарями, жнецами, косцами, доильщиками, конюхами, пастухами и др.; но немало было и сельских ремесленников: плотников, столяров, каменщиков, сапожников, жестянщиков, портных, ткачей, бумажников. Бунтовщики из разных графств, высланные в Австралию, также значительно различались по составу; в целом, однако, каждый третий из высланных в Новый Южный Уэльс и каждый четвертый или пятый из высланных на Тасманию принадлежали к одной из перечисленных выше категорий.

Иногда неоднородность социального состава участников массовых выступлений принимала иные формы: состав участников бунта расширялся за счет притока представителей иных социальных групп, направлявших движение в другое русло. Так, например, начало Гордоновым бунтам положил поход лорда Джорджа Гордона и его сторонников из числа «ремесленников первого разбора» к Вестминстеру для подачи петиции Протестантской ассоциации. Но вскоре представители «низшего сословия» — мелкие торговцы, наемные работники, подмастерья, прислуга — оттеснили их на задний план. Перейдя от слов к делу, они начали поджигать дома католиков, их школы и церкви. Спустя несколько дней к ним присоединились освобожденные ими из Ньюгейта заключенные и другие «нежелательные» элементы; в результате бунт на заключительном этапе превратился в оргию насилия. Уместно напомнить в этой связи и о том, как изменился характер «бунтов Ревекки», когда летом 1843 г. события вышли из-под контроля мелких арендаторов и руководство движением взяли па себя безработные Гламоргана и бунтовщики-«профессионалы», как, например, Дайр Кантер и Шошт Шгубор Фавр. С этого момента основным содержанием движения, вступившего в «фанатическую» стадию, стала борьба батраков против фермеров. В обоих случаях вступление в борьбу новых участников привело к отходу от движения его инициаторов из более «респектабельных» слоев общества: в первом случае — жителей Сити, которые перешли на сторону правительства, увидев, что понести ущерб могут не только католики, но и они сами; во втором — фермеров, напуганных растущей активностью батраков.

Аналогичный процесс в более широких масштабах происходил и во время событий 1848 г. в Париже. 23 февраля рабочие предместьев поднялись на борьбу, в результате чего политическая демонстрация против правительства переросла в восстание, приведшее к свержению монархии. Развитие событий в период с февраля по июнь во многом объяснялось стремлением «респектабельных» революционеров избавиться от своих неудобных союзников из «низшего сословия». Подобный процесс мог иной раз развиваться и в противоположном направлении, когда бунтовщики из высших социальных слоев брали на себя

руководство движением, инициаторами которого были рабочие или беднота. Нечто подобное произошло в Париже в октябре 1789 г. и в сентябре 1793 г. В первом случае голодные бунты, начатые рыночными торговками, переросли в политическую демонстрацию под радикальными лозунгами с появлением на сцене «добровольцев Бастилии» под руководством Станисласа Майара и батальонов национальной гвардии. Во втором — Эберу и лидерам городской коммуны удалось превратить выступление санкюлотских низов, требовавших установления всеобщего максимума цен на продовольствие, в грандиозную демонстрацию представителей всех парижских секций, предъявивших Национальному конвенту политические требования. Массовая рабочая сходка, организованная руководителями клубов в апреле 1848 г., осталась без последствий — ее затмила контрдемонстрация мелкобуржуазной по своему составу национальной гвардии в поддержку Ламартина и Временного правительства.

Это, разумеется, не исчерпывает различий, присущих «толпе» «доиндустриальной» эпохи. Не менее важное значение имеют и такие данные, как возраст, грамотность, вероисповедание, распределение по географическим районам и профессиональным группам. Приведу несколько примеров. Можно с достаточной уверенностью утверждать, что во время антипапистских выступлений в Лондоне уничтожение имущества католиков и других граждан было по большей части делом рук юношей и подростков. Это отмечали и наблюдатели того времени, например Гораций Уолпол, и более поздние летописцы своей эпохи, такие, как Чарлз Диккенс; подобные факты зафиксированы и в соответствующих судебных протоколах. Уолпол особо выделяет при этом роль подмастерьев: в самом деле, процент подмастерьев, поденщиков и молодых рабочих среди 160 бунтовщиков, представших перед судом, подтверждает его выводы. Архивы Олд-Бейли не содержат исчерпывающих данных относительно возраста арестованных. Примечательно, однако, что свидетели часто называли обвиняемых «молодыми парнями», «ребятами» и даже «детьми», а определяя их возраст, давали им по 15, 16, 18 лет, в одном случае даже «меньше 14». Среди 25 человек, приговоренных к повешению, был только один 15-летний подросток (а не несколько, как полагал Уолпол). Отличительной чертой участников всех подобных беспорядков была их относительная молодость. Средний возраст луддитов, высланных в Австралию за период с 1812 по 1817 г., составлял 30,7 года; 75 чартистов, высланных в 1842 г., — 26,5; 16 ссыльных 1848 г. — 31 год. Разрушители машин и поджигатели, высланные в Австралию в 1830 г., хотя и были еще моложе, но не столь молоды, как утверждает Робсон, определивший средний возраст всех высланных. Средний возраст нескольких сотен бунтовщиков, высланных на Тасманию, составлял 29 лет, а высланных в Новый Южный Уэльс — 27 лет, причем больше половины были семейными людьми****¹⁶. Этот показатель имеет определенное значение, ибо позволяет предположить, что коли уж оседлые семейные люди отваживались на подобные действия, то либо в результате невыносимых условий жизни, либо по глубокому убеждению. Равным образом показателен и возраст арестованных и раненных в годы Французской революции, а также ее непосредственных участников. Средний возраст 662 участников штурма Бастилии составлял 34 года; убитых или раненных при штурме Тюильри в 1792 г. — 38 лет; арестованных после майского восстания 1795 г. — 36 лет. Участники этих основных событий революции были, следовательно, значительно старше арестованных участников французских зерновых бунтов 1775 г. (средний возраст 30 лет), так называемых парламентские беспорядков (23 года), Ревейоновых бунтов в канун революции (29 лет) и событий на Марсовом поле в 1791 г. (31 год). Процент грамотных (если считать таковыми людей, способных подписать протоколы полицейских судов) также был неодинаков в различных выступлениях: грамотные составляли 33% среди участников зерновых бунтов 1775 г., 62 — среди участников Ревейоновых бунтов и 80 и 85 % — соответственно среди участников выступлений июля 1791 г. и мая 1795 г.***** Можно предположить, что уровень сознательности участников массовых движений зависел от характера этих движений. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные настолько отрывочны и неточны, что позволяют сделать лишь гипотетические выводы.

Равным образом знаменательна склонность рабочих определенных профессий к большому радикализму и к тому, чтобы чаще других выступать зачинщиками бунтов, одним словом, они отличались большей революционностью. Выше уже отмечалась активность рабочих оловянных рудников Корнуэлла, ткачей и чесальщиков шерсти западных графств, ткачей шелкоткацких мануфактур Спайтлфилза и английских шахтеров в целом, принимавших участие как в продовольственных бунтах, так и в ожесточенных конфликтах с хозяевами. Различные авторы уже отмечали бунтарские настроения французских рыбаков, шведских лесорубов, австралийских стригалой и венских сапожников¹⁷. В ходе своих исследований я сделал вывод, что среди парижских ремесленников самыми активными участниками революционных события 1789—1795 гг. были слесари, столяры, столяры-краснодеревщики, сапожники, портные, каменщики, а среди менее квалифицированных — виноторговцы, водоносы, грузчики, повара, домашняя прислуга. Примечательно, что представители большинства вышеназванных профессий упоминаются почти полвека спустя среди тысяч арестованных и осужденных за участие в «июньских днях» 1848 г.¹⁸ Это неудивительно: французские рыбаки, например, на протяжении долгой истории своего существования более других подвергались опасности лишиться работы; неудивительно также, что в исторический период, к которому относится данное исследование, ремесленники протестовали более активно, чем фабричные рабочие или надомники; причем самыми боевыми были выступления ремесленников наиболее распространенных профессий: столяров, портных, сапожников. Можно предположить, что анализ состава масс в другой исторический период, например в период развитого индустриального общества 60—80-х гг. XIX в., привел бы к совершенно иным выводам.

В связи с этим возникает вопрос: в какой степени «толпа» отражала интересы тех общественных прослоек, к которым принадлежали составлявшие ее элементы? Сам факт участия определенного числа слесарей или граверов в штурме Бастилии (в данном случае в официальных источниках это число приводится) вовсе не означает, что они пользовались поддержкой и симпатиями всех парижских слесарей и граверов. Соответствующее предположение Мишле является явным преувеличением, хотя в данном случае подобный оптимизм более оправдан, чем в других. Гораздо чаще историки склонны рассматривать мятежную или революционно настроенную толпу как воинственное меньшинство, резко отличавшееся от основной массы сограждан, представителей тех же общественных классов или тех же профессий, которые хотя и не проявляли откровенно враждебного отношения к происходившему, но и не играли активной роли в событиях. Таким образом, обычно принято проводить разграничение между воинственными элементами или активистами и пассивным большинством. Оправдан ли подобный вывод? Ответить на этот сложный вопрос на основании статистических данных труднее, чем на прочие вопросы, поставленные в этой главе. Демоскопические данные в какой-то мере убедительны лишь в том случае, если основываются на опросах типа тех, что проводятся институтом Гэллапа среди широких слоев населения; подобный метод историку, к сожалению, недоступен.

Но и не располагая такими возможностями, можно допустить, что это различие между борющимися и «пассивными» не следует абсолютизировать. Оно обосновано прежде всего в тех случаях, когда речь идет о небольшом числе «активистов», игравших заметную роль и в движениях, на первый взгляд совершенно стихийных. Об этом можно говорить и тогда, когда «толпа» состоит по большей части из людей убежденных, решительных, стремящихся к единству действий, достаточно резко отличающихся от остальных, более пассивных сограждан своей сознательностью и политической зрелостью. Так оно, судя по всему, и было в таких носивших квазивоенный характер эпизодах Французской революции, как штурм Тюпльри в августе 1792 г. Однако подобное могло иметь место лишь после того, как революция выдвинула политическую элиту из среды самих санкюлотов, прошедших политическую школу в революционных клубах, на собраниях секций, в частях национальной гвардии, вобравших опыт массовых выступлений начального этапа революции. В предреволюционные годы такой процесс был немыслим и во Франции, а в Англии, где бунты никогда не перерастали в революцию, он вообще стал возможным лишь гораздо позже. Что же касается других выступлений, в частности забастовок и голодных бунтов, то здесь не представляется возможным провести четкую границу между активными

участниками и пассивными наблюдателями, между теми, кто выходил на улицы, и теми, кто оставался дома. Вопрос осложняется и тем обстоятельством, что во время волнений и случайные свидетели, и «попутчики» могли погибнуть в стычках либо, проявив под влиянием момента неприсущий им энтузиазм, сойти при аресте за «вожаков»; в протоколах французской полиции есть немало тому примеров.

В этой связи возникает еще один вопрос: насколько активное меньшинство участников пользовалось симпатией пассивного большинства? На этот вопрос также можно ответить лишь в общей форме. Иногда «низы» (употребляя этот термин в самом широком смысле) могли повести за собой большинство или по крайней мере нейтрализовать его, лишь прибегнув к террору, разрушениям и насилию или демонстрируя явное превосходство в силах. Не вызывает сомнений, что именно таким образом вооруженные отряды революционеров, сформированные в Париже и других городах, навязали свою волю сельскому населению Франции осенью 1793 г. Бездействие лондонских констеблей и членов магистратов во время «антипапистских» бунтов 1780 г. также объяснялось страхом перед возможными последствиями. Иначе развивались события во время Ревейоновых бунтов в Париже в апреле 1789 г.: но в этом случае местные жители и много времени спустя после подавления беспорядков ясно показали, на чьей стороне были их симпатии, отказавшись выдать бунтовщиков властям. Как уже отмечалось, подобными примерами богаты выступления разрушителей машин в центральных и северных графствах Англии и «бунты Ревекки» в Западном Уэльсе. Совершенно очевидно, что в этих случаях активное меньшинство с пассивным большинством связывали взаимные симпатии и общие интересы. Последующий анализ причин возникновения массовых движений, их успеха или поражения позволит осветить эту проблему более полно.

* Заслуживает внимания в этой связи следующее замечание Дарваля относительно луддитов: «Истинные луддиты никогда не отступали от своей тактики разрушения машин и (на севере) захвата оружия. Не следует обвинять их в обычных грабежах, совершенных совсем иными людьми — шайками воров, которые прикрывались именем луддитов, рассчитывая, что тогда они не встретят сопротивления и избавятся от преследования» (Darvall F.O. *Popular Disturbances and Public Order in Regency England* (London 1931, p. 184).

** Государственный архив Тасмании, 2/44, 2/60, 2/67, 2/79, 2/83, 2/88: один из 30, тот самый, которого судили ранее за изнасилование, на сей раз был сослан за «кражу со в мастерской».

*** Следует отметить, что даже самые благонамеренные из неимущих не порицали такие преступления, как браконьерство, поджог, кража дров, нападение на лесничего, уход от хозяина, пользующегося плохой репутацией среди рабочих (упомянутые бунтовщики с повторной судимостью в первый раз чаще всего привлекались к ответственности именно за это).

**** По данным Робсона, средний возраст всех заключенных мужчин, высланных в две австралийские колонии в период между 1787 и 1852 гг., составлял 25,9 года; из них немногим более 25% были женаты (op.cit. p.25—26).

***** «The Crowd in the French Revolution», p.249 (Appendix V). Среди участников бунта «Свинга» 1830 г. процент умеющих читать или читать и писать (по документации арестантских морских перевозок) колебался между 66 и 75%; нельзя, однако, с уверенностью утверждать, что способы определения грамотности были одинаковы в каждом отдельном случае.

Ссылки на источники

1 Soboul A. «Les sans-culottes parisiens en l'an II» (Paris, 1958),

2 Briggs A. «The Language of 'Class' in Early Nineteenth-Century England», в *Essays in Labour History in Memory of G.D.H. Cole* под редак. A.Briggs и J.Saville (London, 1960), p.43—73.

3 Le Bon G. «The Crowd: A Study of the Popular Mind» (London 1909), p.36i ff.; «La Revolution francaise et la psychologie des revolutions» (Paris, 1912), p.53-61, 89-93.

4 George M.D. «London Life in the Eighteenth Century» (London. 1951). p.118-119; Marshall Dorothy. «Eighteenth-Century England» (London, 1952), p. 36—37.

5 Chevalier L. «Classes laborieuses et classes dangereuses» (Paris, 1958).

6 Rude G. «The Gordon Riots: A Study of the Rioters and thenm Victims», Transactions of the Royal Historical Society, 5th series, VI (1953). 104—105.

7 Rude G. «La taxation populaire de mai 1775 a Paris et dans la region parisienne», *Ann hist. de la Rev.franc.*, N 143, April—June 1956 p.139—179; и «La taxation populaire de mai 1775 en Picardie, en Normandie, et dans le Beauvaisis», Ibid., N 165, July—Sept. 1961, p. 305-326.

8 См. мою работу «The Crowd in the French Revolution» (Oxford. 1959), p.186-190, 249.

9 *Gentleman's Magazine*, XXXVII, 48 (February 26, №67) (курсив в оригинале).

10 Tasmanian State Archives, 2/132-2/178, 53/4328; *The Names and Descriptions of All Male and Female Convicts Arrived in the Colony of New South Wales during the Years 18.30 to 1842* (11 volh. Сидней, 1843), 11,43—52.

11 Robson L.L. The Origin and Character of the Convicts Transported to New South Wales and Van Diemen's Land 1787—1852 (неопубликованная докторская диссертация, Национальный университет Австралии, Канберра, 1963), p.28—29.

12 См. мою статью «“Captain Swing” and Van Diemens Land» in *Tasmania: Historical Research Association: Papers and Proceedings*.

13 Chevalier L. Op.cit., p.551—553.

14 Rude G. «The Crowd in the French Revolution», p.15—18; «Wilkes and Liberty» (Oxford, 1962), p.16—18; «The London «Mob» of the Eighteenth Century», *The Historical Journal*, II, i (1959).

15 «The Crowd in the French Revolution», p.179—185.

16 Rude G. «Protest and Punishment» (Oxford, 1978), p.250—251.

17 Hobsbawm E.J. «Primitive Rebels» (Manchester, 1959), p.122 (цитата из работы Э.Вангермана); Runciman W.G. «Social Science and Political Theory» (Cambridge, 1963), p.95—96 (цитата из Зигфрида).

18 «The Crowd in the French Revolution», p.185, 234—235, 246—248 (приложение IV).

ХАРАКТЕР ВОЛНЕНИЙ И ПОВЕДЕНИЕ МАСС

До сих пор мы рассматривали составные элементы «толпы», а не «толпу» как целое. Были рассмотрены вопросы об общественных классах, группах и индивидах как компонентах «доиндустриальных» низов, об их профессиональном составе, об идейном содержании и побудительных мотивах их выступлений; однако мы почти не затрагивали вопросы, связанные с коллективной природой «толпы»; определяющей ее реакцию и поведение как целого, то есть то, что Ле Бон и Жорж Лефевр именовали «коллективной психологией» или «ментальным единством»¹. Правда, некоторые авторы, в том числе и сам Ле Бон, придавали этим факторам абсолютное значение, оставляя в тени все другие, в результате чего они рассматривали «толпу» в отрыве от конкретных социально-исторических условий, как чистую абстракцию, так сказать, изначальное множество. Полностью игнорировать подобную точку зрения было бы, конечно, неправильно, ибо рассматривать толпу людей лишь как совокупность составляющих ее элементов допустимо только в том случае, если она предельно упорядочена и формализована, как, например, при разного рода церемониях².

Но все это еще не дает ответа на ряд вопросов, касающихся действий и поведения «толпы». Какова была модель поведения «доиндустриальных» низов и почему одни модели были более типичны для них, чем другие? Каким образом происходило слияние отдельных индивидов или групп в «толпу» и перерастание одной формы волнений в другую? Как развивалась «коллективная психология» масс — их склонность к насилию, их готовность идти на риск, способность на героизм? Были ли массовые выступления организованными или стихийными? Каково было отношение рядовой массы к вожакам и каким образом массы узнавали и подхватывали те или иные лозунги, по чьим приказам переходили они к действиям? Насколько справедливо утверждение вышеупомянутых историков, что массам всегда свойственны неустойчивость, стремление к насилию и разрушению, темные инстинкты? Вот некоторые из вопросов, которые предстоит рассмотреть или хотя бы затронуть в этой главе.

В предыдущих главах уже говорилось об общих чертах поведения низов. Разумеется, в разных ситуациях массы вели себя по-разному, но общими чертами их поведения всегда оставались «прямое действие» и стремление так или иначе восстановить «элементарную естественную справедливость». Забастовщики чаще всего разрушали машины и дома предпринимателей; участники голодных бунтов совершали налеты на рынки, хлебные лавки и устанавливали контроль над ценами снизу; бунтовщики в сельской местности сносили изгороди и заставы, ломали молотилки, разрушали работные дома, поджигали скирды у лендлордов и фермеров; бунтовщики в городах разрушали молитвенные дома и часовни диссентеров, их дома и имущество, символически сжигали изображения своих политических противников. Во время крупных революционных выступлений, например во Франции в 1789—1795 гг., 1830 и 1848 гг. народные массы прибегали и к иным, нередко героическим формам борьбы. Достаточно вспомнить о штурме Бастилии, Тюильри, ратуши или парижские баррикады. Однако в целом характер поведения масс существенно не менялся. Иногда происходили примечательные отклонения от нормы, свидетельствовавшие о том, что в ходе бунтов и волнений «доиндустриального» периода зарождались формы борьбы, характерные для более позднего времени.

Например, в Манчестере в 1810 г. состоялась забастовка хлопкопрядильщиков, во многом напоминая современные; во Франции трудовые конфликты, близкие по форме современным, возникали еще чаще, чем в Англии. Распространенной формой активности масс стала подача петиций; в этой связи следует упомянуть выступления лондонских рабочих в 60-е годы XVIII в. В Париже в июле 1791 г. такая петиция, мало чем отличавшаяся от подобных документов в наши дни, послужила поводом для грандиозной демонстрации на Марсовом поле, которая закончилась массовым расстрелом ее участников.

Известны и другие, более традиционные формы действий низов, при которых главную роль играло не насилие, а мирные демонстрации: массовые шествия и красочные церемонии, почти столь же типичные для того времени, как и попытки восстановить «естественную справедливость». Во время предвыборной кампании Уилкса в Лондоне его сторонники из «средних» и «низших» слоев населения зачастую проходили по улицам города под барабанный бон, со знаменами, эмблемами и пестрыми значками своего кумира, скандируя лозунги. Как-то раз в те дни «большая группа фригольдеров из Мидлсекса с оркестром прошла с флагами по Пэлл-Мэлл. Остановившись перед Сент-Джеймским дворцом, демонстранты трижды прокричали «ура», и грянула музыка». Спустя неделю жители маленького городка Сомертона в графстве Сомерсет отпраздновали победу Уилкса на выборах над полковником Латреллом колокольным звоном, фейерверками и торжественным шествием, во главе которого шли «2 учителя местной классической школы в одеянии Свободы» и «45 учеников с голубыми бантами»³. Такие же торжественные и хорошо организованные шествия были не редкостью в Париже в канун революции 1789 г. и после ее начала. Три года спустя подобная демонстрация с флагами и знаменами была беспощадно разогнана йоменри* на поле св.Петра в Манчестере; колоритные массовые демонстрации, несмотря на свой мирный характер, внушали властям и имущим классам почти такой же страх, как и акты насилия. Гарди, парижский книготорговец, описавший процессии ремесленников, рабочих и работниц, проходивших в августе—сентябре 1789 г. чуть ли не ежедневно по улице Сан-Жак к вновь отстроенной церкви св.Женевьевы, заметил как-то, что «многих пугает организованность, состав и размах этих шествий». Не исключено, что причиной жестокой расправы йоменри с манчестерскими ткачами «при Питерлоо» в такой же мере послужили как воинственные лозунги на знаменах демонстрантов, так и их организованность⁴.

Определенные основания для подобных опасений у властей, безусловно, были: церемониальные процессии такого рода нередко перерастали в выступления насильственного характера в результате неожиданного развития событий или какой-либо провокации. Это было тем более вероятно в период, когда «низшие сословия» — санкюлоты — практически были полностью лишены возможности отстаивать свои интересы мирными средствами. Они не только не имели никаких политических прав, но и «союзы» и «ассоциации» (то, что французы именовали *atroupments*) были запрещены законом и беспощадно подавлялись. В итоге участники мирных выступлений карались столь же сурово, как и участники «враждебных вспышек». Кроме того, рабочие по опыту знали, что внезапное боевое выступление скорее приведет их к успеху, нежели длительная борьба мирными средствами, будь то переговоры, подача петиций или церемониальные шествия, которые в любом случае немного стоили за пределами больших городов, подобных Парижу, Лондону, Лиону и Манчестеру. Более того, в тот период открытые конфликты между правящими, имущими классами и «низшим сословием» и возникали чаще всего в сельской местности. Именно здесь происходили ограбления, фабрики и шахты оснащались новыми машинами, а резкие повышения цен на зерно чувствовались особенно остро. Таким образом, особенности исторического периода не только постоянно побуждали низы к массовым выступлениям, но также обуславливали и форму движения. Трудно представить более подходящую форму выражения народного протеста в сельских районах, шахтерских и небольших торговых поселках и даже на окраинах развивающихся фабричных городов, нежели активные попытки путем «прямого действия» восстановить «естественную справедливость», практиковавшиеся Недом Луддом в Дербишире и Чeshire, «Ревеккой» в Западном Уэльсе, участниками бунтов «Свинга» на юге Англии и хлебных бунтов во Франции и Англии в 1766 и 1775 гг.

Однако если бы характер волнений такого рода зависел только от материальных факторов, они не стали бы распространенной формой народного протеста в Париже и Лондоне на протяжении всего XVIII в., а в Бристоле и Ноттингеме вплоть до 1831 г. Определенную роль сыграла приверженность традиционным идеалам и ценностям. В XIX в. распространение радикально-политических идей вовлекло мелких торговцев, ремесленников и фабричных рабочих в борьбу за политические права, за великие идеалы равенства и братства. Подобные лозунги появились во Франции в разгар и на заключительном этапе Французской революции, когда вера масс в отдельных героев постепенно уступила место вере в революционные идеалы и институты; европейские революции и чартистское движение в Англии в 40-х гг. XIX в. подняли этот процесс на более высокую ступень и подвели под него прочный фундамент. В целом, однако, народные массы того времени связывали свои надежды не столько с новыми идеями и институтами, сколько с отдельными героями, точно так же как те или иные конкретные лица были для них воплощением зла. У масс были свои герои — Уилкс, Джордж Гордон, Марат, легендарная «Ревекка», а конкретные предприниматели, коммерсанты, скупщики, булочники, землевладельцы, чиновники были в их глаза к олицетворением всех бед. Естественно, что при снижении заработной платы, повышении цен, неурожаем, нарушениях традиционных прав народ обращал свой гнев в первую очередь против них. И лишь постепенно борьба против отдельных личностей сменялась борьбой за принципы и идеалы, и массы не прибегали больше к старым методам восстановления «естественной справедливости».

Однако народная память и легенды могли играть определенную роль в продлении пережиточной фазы движения пародов за пределами того времени, когда они были наиболее эффективными и действенными. К 1831 г. в Бристоле и к 1842 г. в Сток-он-Тренте, например, разрушение домов было уже анахронизмом: в больших городах, таких, как Париж и Лондон, оно к тому времени не происходило уже в течение многих лет. Баррикадные бои — тактика народной войны, пригодная для Парижа в 1830 и 1848 гг., во многом сохранившего облик средневекового города, — велись на парижских улицах и в 1871 г., после перестройки города при Наполеоне III. Память о событиях 1789 и 1793 гг. во многом определяла сознание масс, поднявшихся на революционную борьбу в 1848 г. Французские крестьяне, которые в 1775 и 1789 гг. устанавливали собственные цены на продовольствие и сжигали помещичьи усадьбы, сохраняя веру в короля, унаследовали традиции своих предков, за 100 лет до этого поднявших в Бордо восстание под лозунгом «За короля и долгой соляные подати!». Поход женщин к Версалу явился в определенном смысле повторением подобных демонстраций парижан в 1709, 1775 и 1786 гг., хотя и неизмеримо более значительным по своим последствиям.

В Англии поджоги, особенно поджоги фермерских скирд и стогов, являлись испытанным методом борьбы участников аграрных волнений. «Огонь — вот самый действенный аргумент», — писал Карлейль, который, подобно Гиббону Уэйкфильду, мог на собственном опыте оцепить его действенность. Многие считали этот метод английским изобретением. В 1854 г., когда поджоги уже не были основным средством борьбы в сельских районах, некий итальянец, отличившийся во время обороны восставшими австралийскими колонистами форта «Эврика», писал о столь хорошо известных диких выкриках англичан «Жги, жги!»: «Англичан хлебом не корми, только дай им что-нибудь поджечь. Они обожают пожары, это для них — лучшая забава»^{5**}. Выше уже отмечалось, что разрушение машин, домов и контроль над ценами «снизу» во время голодных бунтов оставались формами народного протеста на протяжении полутора или более веков. Так, например, во Франции в 1789 г. аграрные волнения развивались в этих старых традиционных формах. Таким образом, не только социально-экономические условия на соответствующем этапе общественного развития, но и коллективная память народа и его традиции определяют, насколько живучими оказываются те или иные формы народного протеста.

И все же, несмотря на то, что бунты имели тенденцию принимать традиционные формы, даже самые кратковременные из них не проходили шаблонно. Небольшие локальные забастовки или голодные бунты, начавшись с незначительного инцидента, постепенно набирали силу, проходя в своем развитии три этапа: начало, кульминацию, завершение. Исключение представляли высокоорганизованные выступления, носившие характер боевых

операций, такие, как штурм Тюильри в августе 1792 г. или демонстрации рабочих, организованные парижскими клубами в 1848 г. Однако подобные выступления, в которых действия участников от начала и до конца регламентировались приказами общепризнанных руководителей, не были в тот период типичными формами народных движений. Более характерны для того времени волнения и бунты, вспыхивавшие из-за какого-нибудь незначительного инцидента на базаре, в харчевне или в булочной, мясной лавке или винном погребе, либо, наконец, из-за неосторожно сказанного слова или какой-либо провокации. Они приобретали иной раз непредвиденные и неожиданные для всех, даже для самых опытных вожаков, накал и размах. Как в канун Французской революции, так и после ее окончания во Франции и в Англии небольшие сборища покупателей в продовольственных лавках и на рынках нередко перерастали в массовые демонстрации, уничтожение чужой собственности, а то и в настоящие восстания и мятежи. Так, во Франции в конце апреля 1775 г. грузчики маленького городка Бомона, отказавшись платить высокие цены, установленные местными торговцами, положили начало движению, которое спустя две недели охватило столицу и шесть соседних провинций. В Лондоне в июне 1780 г. после отклонения парламентом антикатолической петиции, поданной протестантской ассоциацией, разъяренная толпа, собравшаяся у Вестминстера, подняла бунт, продолжавшийся по улицам Лондона в течение недели. В 1830 г., как мы видели, начало движению разрушителей машин и поджигателей, охватившему более двенадцати графств, дали новые молотилки, приобретенные землевладельцами одной кентской деревни; сходные незначительные инциденты вызвали выступления луддитов и «бунты Ревекки».

Множество подобных примеров дает история Французской революции, особенно ее начальные этапы — до того как в результате создания национальной гвардии, Народных клубов и ассамблей секций возникли условия, в которых противоборство масс с властями приняло более организованный характер. Классическим примером описанной выше модели развития массовых волнений являются крупные парижские восстания в июле и октябре 1789 г. В первом случае более или менее мирная толпа — граждане, прогуливавшиеся в воскресный день в саду Пале-Рояль, узнав об отставке Неккера и распаленная платными агитаторами герцога Орлеанского и людьми из его свиты, призывавшими ее к оружию, была охвачена революционным порывом. Дальнейшие события приняли такой размах, на который, надо полагать, не рассчитывали и которого не предвидели даже самые дальновидные, проникательные и решительные противники королевской власти. Уличные демонстрации с бюстами Неккера и герцога Орлеанского; нападения на таможни и разграбление монастыря Сен-Лазар; захват оружия в оружейных магазинах, арсеналах и монастырях; массовая демонстрация у ратуши, где в тот момент обсуждался состав нового муниципалитета; штурм Дома инвалидов и захват хранившегося там оружия, которое тут же было роздано отрядам вновь созданного народного ополчения, и, наконец, как завершение первого этапа революции — штурм Бастилии, который в какой-то мере был подготовлен, но в гораздо большей степени явился результатом случайного стечения обстоятельств.

В октябре события развивались примерно по той же схеме, хотя на заключительном этапе бунт приобрел сознательно политическое направление. Надо полагать, что большинству женщин-домохозяек и рыночных торговек, участвовавших в «хлебном походе» ранним утром 5 октября, как, впрочем, и сторонним наблюдателям, демонстрация вначале представлялась лишь повторением выступлений, происходивших в сентябре. Даже захват ратуши был лишь повторением в более широких масштабах акций протеста в предыдущие недели. Но когда в дело вмешались батальоны волонтеров Бастилии Станисласа Майара, женщины, среди которых «патриоты» вели агитацию уже несколько недель, двинулись на Версаль. Это придало демонстрации совершенно новое, политическое звучание. С этой точки зрения демонстрация, участники которой преследовали главным образом экономические цели, в итоге вылилась в политическое выступление, организованное «патриотами» и поддержанное частями национальной гвардии⁶.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что даже в периоды революционного подъема, когда шла борьба между различными политическими группировками за влияние в массах, волнения редко происходили по какой-либо

заданной схеме. Исключение составляли лишь выступления военного характера, более организованные в силу самой своей природы, и церемониальные шествия. Во всех других случаях немалую роль играл элемент случайности; это лишает смысла утверждения современников и историков более позднего времени, полагавшие, что все подобные движения являлись результатом тщательно подготовленных «заговоров». Следовательно, рассматривая вопросы о начале, развитии и апогее массовых выступлений, необходимо не упускать из виду элемент случайности.

Но с другой стороны, не следует и переоценивать роль случайности: развитие событий во время обоих парижских восстаний 1789 г. было, как отмечалось, непредсказуемым, но сами события были отнюдь не случайны. И в июле, и в октябре интриги королевского двора в Версале послужили своего рода детонатором волнений в столице. Но сами по себе, вне связи с целым рядом предшествовавших событий и, самое главное, без назревшей уже в стране революционной ситуации они вряд ли бы к этому привели. Таким образом, господствовавшие в то время политические идеи и общие настроения явились тем необходимым компонентом, без которого действия двора не вызвали бы никакой реакции вообще и у народные масс в частности. Далее, импульсом для нападений крестьян на феодальные замки летом 1789 г. явились слухи о приближении парижских «бандитов», вызванные в свою очередь некоторыми обстоятельствами, связанными со штурмом Бастилии. Такая последовательность событий, сама по себе случайная и непредсказуемая, едва ли имела бы место, если бы не вековая ненависть крестьян к своим манориальным обязанностям и их надежды па улучшение своего положения, связанные с созывом в Версале Генеральных штатов.

Столь же примечательна, хотя на первый взгляд и не слишком правдоподобна, причинно-следственная связь между эпидемией холеры в Париже в 1832 г. и вооруженным восстанием рабочих в июне того же года. Холера унесла 39 тыс. жизней — главным образом обитателей густонаселенных районов города и кварталов, прилегающих к центральному рынку и ратуше. Повсюду ходили слухи, что правительство и буржуазия намеренно отравили колодцы и заразили заключенных в тюрьмах 91 пациентов в больницах; историки объяснили восстание паникой, охватившей тогда жителей Парижа, и их ненавистью к угнетателям⁷. Но если принять это объяснение, следует провести четкую грань между внешним импульсом и глубинными причинами: эпидемия холеры, ужасная сама по себе, вряд ли дала бы толчок июньским событиям, если бы не экономический кризис, нищета, деградация общества, ненависть и несбывшиеся надежды — наследие революции 1830 г.

Точно так же и совершенно стихийные на первый взгляд беспорядки характеризовались определенным единством участников, обусловленным не только идеями или распространенным убеждением, но и конкретными лозунгами дня, авторитетом руководителей и, наконец, какой-то формой организации — от элементарной до более развитой. Выше уже отмечалось, как велика была роль лозунгов типа «За Уилкса и свободу!», «Долой папистов и деревянные башмаки!», «Да здравствует третье сословие!», «За демократическую и социальную республику!» в формировании общественного мнения, придании ему определенной направленности. Если носившиеся в воздухе общие настроения создавали атмосферу социального брожения, то упомянутые лозунги объединяли массы и направляли их энергию на достижение конкретных целей и решение конкретных задач. Возможно, дело обстояло не совсем так во время забастовок и голодных бунтов, когда цели борьбы были и без того достаточно ясны, прежде всего для тех, кого непосредственно затрагивало снижение заработной платы или повышение цен. Однако в любой политической демонстрации лозунги являлись действенным средством сплочения единомышленников и устрашения и деморализации противников. Той же цели служили кокарды и знамена. Так, успеху кампании Уилкса в Лондоне немало способствовало широкое распространение голубых значков его партии. (Характерно, что и участники более поздних антипапистских бунтов 1780 г. также выступали под голубым знаменем.) Известно, какую роль играли трехцветные и красные знамена в 1789 г. и красные флаги социалистических клубов в 1848 г. Подобные символы способствовали сплочению отдельных групп и людей, придерживавшихся весьма различных взглядов и убеждений, в борьбе за общее дело, помогали их объединению для достижения общих целей.

Безусловно, единство более наглядно проявлялось в тех случаях, когда активные участники движения входили в какую-либо единую организацию. Однако в период, когда еще не было ни массовых профсоюзов, ни политических партий или ассоциаций потребителей, подобные организации были чаще всего весьма примитивны. Исключение представляли лишь революционные формирования восставших, например отряды национальной гвардии, штурмовавшие Тюильри, или милиция санкюлотов, изгнавшая депутатов-жирондистов из Национального конвента в июне 1793 г. (несколько иначе дело обстояло при взятии Бастилии, когда далеко не все участники штурма были под ружьем). Далее, даже в XVIII в. участники трудовых конфликтов в некоторых случаях были организованы в профсоюзы. В предыдущих главах упоминалось о том, что во Франции того времени уже существовали профессиональные объединения бумажников, плотников и печатников, а в Лондоне — шляпочников, портных, ткачей; во время Французской революции «компаньонажи» или рабочие «ассоциации» сыграли определенную роль в забастовке плотников 1791 г. В аграрных забастовках и бунтах организующим элементом была деревенская коммуна. В Париже в 1793 г. народные общества и ассамблеи секций, созданные санкюлотами как политические организации, мало чем отличались от более поздних политических партий. Подобные организации были созданы мидлсекскими землевладельцами-фригольдерами во время Уилксовых бунтов и лондонскими ремесленниками — членами корреспондентского общества Харди. Однако во всех этих случаях организации существовали сравнительно недолго; лишь с 30-х гг. XIX в. начали появляться постоянные организации. Их возникновение, естественно, оказало влияние на формы и характер массовых выступлений. Голодные бунты прежних времен и стихийные волнения стали теперь исключением (например, беспорядки в гончарных городках в 1842 г.). Выше было сказано и о том, какую большую роль сыграли клубы и рабочие организации в событиях 1848 г. в Париже, а также профсоюзы и Национальная чартистская ассоциация в чартистском движении в Англии.

Определенную роль играли и руководители, возглавлявшие массы, сплотивавшие их и направлявшие их активность в определенное русло. Но все же лидеры никогда не играли столь выдающуюся роль и не влияли на развитие событий в такой степени, как это изображали Тэн, Ле Бон и другие, рассматривавшие революцию как заговор. Ле Бон, к примеру, писал, что «живые существа, будь то животные или люди, сбиваясь в стаю, инстинктивно стремятся попасть под власть вожака»; что вожаки толпы — «это обычно болезненно нервные, легковозбудимые люди, с неустойчивой психикой, близкие к сумасшествию»⁸. Характеризовать так народных вожаков, вне зависимости от места и времени, — значит полностью игнорировать социальную специфику и рассматривать и руководителей, и массы как чистую абстракцию. Анализ массовых движений в различные исторические периоды показывает, что в выступлениях разного типа лидеры играли различную роль, что они отличались друг от друга по своему социальному происхождению и личным качествам, но прежде всего, что необходимо проводить четкую грань между лидерами, стоявшими над толпой, вожаками, вышедшими из низов, и, наконец, теми руководителями, которые были посредниками — действительными или мнимыми — между первыми и вторыми.

Первую группу руководителей следует назвать скорее «героями» толпы — с их именем она поднималась на бунты и восстания, на их лозунги (действительно ими выдвинутые или им приписываемые) откликалась, их речи, воззвания, идеи создавали идеологический фон массовых выступлений. Примером могут служить Четэм, Уилкс, лорд Джордж Гордон в Лондоне XVIII в.; Робеспьер, Дантон, Марат и Эбер — в период Французской революции; Ледрю-Роллэн, Луи Наполеон и Луи Блан — в революции 1848 г. в Париже; и никому поначалу не известные «Ревекка», «генерал» Лудд и даже (если он вообще был реальной фигурой) «капитан Свинг» — в бунтах, вспыхнувших в Англии после наполеоновских войн.

Эти руководители не обладали «деспотической властью», которую приписывал им Ле Бон. Некоторые из них и не стремились к лидерству, отреклись от него, а подчас и прямо отказывались от руководящей роли, которую им навязывали.

Характерным примером является поведение Мартина Лютера в период Крестьянской войны 1525 г., имя которого вдохновляло действия восставших крестьян. Однако он не только не одобрял их действий, но и клеймил их как «банды воров и убийц». Можно не без оснований предположить, что Людовик XVI поневоле сыграл роль такого же вожака для участников аграрные волнений во Франции в 1775 и 1789 гг., во время которых крестьяне именем короля сводили счеты с феодалами, а городской люд таким же образом устанавливал свои цены на продовольствие. Правда, это крайние случаи. Более типичной фигурой в этом плане был лорд Джордж Гордон, чьи выступления и действия, в частности ожесточенные нападки на католиков, вне всякого сомнения, спровоцировали в Лондоне в 1780 г. бунты под лозунгом «Долой папизм!»; однако, он говорил чистейшую правду, утверждая, что никогда и не помышлял о тех последствиях, к которым это приведет. Подобные ситуации неоднократно возникали во время революций; в 1793 г. и Марат, и Робеспьер не раз осуждали действия масс, действовавших от их имени. Луи Блан, лидер социалистов, недвусмысленно отмежевался от восставших парижан в июне 1848 г. Уилкс неоднократно порицал своих слишком ретивых сторонников за злоупотребление его именем, и даже легендарная «Ревекка», державшая своих сторонников в руках более крепко, чем большинство других лидеров толпы «извне», отстранилась от движения, утратив контроль над событиями.

Вышесказанное не означает, однако, что лидеры-«герои» в движениях такого рода играли чисто случайную роль. Напротив, только их авторитет мог объединить массы и придать их действиям определенную направленность. Но руководить народным движением сверху, «извне» всегда рискованно; но в прошествии некоторого времени такие руководители нередко утрачивали контроль над движением или обнаруживали, что оно преследует цели, отличные от их собственных. Как уже отмечалось, парижские санкюлоты, признавая еще руководящую роль якобинцев и разделяя их идеологию, начали трактовать ее по-своему, что привело к последствиям, крайне нежелательным для ее творцов. Одной из причин столь двойственного отношения низов к подобным лидерам была различная социальная принадлежность руководителей и их сторонников. Джон Уилкс, например, был сыном зажиточного винодела; лорд Джордж Гордон — сыном герцога, шотландским аристократом; наиболее видные руководители Французской революции были почти все без исключения выходцами из дворян, врачами, журналистами, священниками или преуспевающими торговцами. Это приводило прежде всего к тому, что социально-политические устремления руководителей и рядовых участников движения полностью не совпадали. Другой причиной было то, что руководители (особенно при таких длительных массовых движениях, как Французская революция) иногда были вынуждены приспособляться к массам для поддержания своего авторитета. Именно этим, как уже неоднократно подчеркивалось, и объясняется, в частности, тот факт, что якобинцы под давлением снизу ввели контроль над ценами и распределение продовольствия. Таким образом, руководители, не полностью контролировавшие действия своих сторонников, иногда уступали их давлению и в некотором смысле менялись с ними ролями.

Связь между высшим руководством движения и низами редко была прямой. Выступления перед массовой аудиторией были скорее исключением, чем правилом. Бесспорно, лорд Джордж Гордон выступал перед протестантами на Сент-Джордж-Филдз, лидеры французской революции выступали на митингах на Марсовом поле, а руководители революции 1848 г. произносили речи перед собравшейся толпой с балкона ратуши. Но до 1848 г. во Франции и до начала чартистского движения в Англии это случалось все же сравнительно редко. Те или иные идеи гораздо чаще пропагандировались в прессе, парламенте, политических клубах, чем на городских площадях. Робеспьер выступал главным образом в Национальной ассамблее и Якобинском клубе; Уилкс писал свои воззвания и манифесты, будучи в заключении в тюрьме Королевской скамьи; Марат выступал со статьями в газете «Друг народа», а Нед Лудд издавал приказы в «штаб-квартире» в Шервудском лесу. Эти призывы и воззвания доходили до масс различными путями: через прессу и памфлеты, на массовых митингах, из разговоров в мастерских, тавернах, винных погребах, на базарах и в булочных. Во время крупных политических событий на сцене появлялись специальные эмиссары или руководители-посредники, которые выполняли роль связных между лидерами-«героями» и массами, распространяли их лозунги и указания, составляли в случае необходимости список намеченных жертв и передавали приказы о выступлении.

Подобные каналы связи не требуют особых пояснений, когда речь идет об организованных выступлениях, в которых (как, например, в Париже в 1792 и 1793 гг.) вооруженные отряды действовали по приказу своих непосредственных командиров. В других случаях, однако, ответить на вопрос о том, как они функционировали, гораздо трудней. Кто, например, сообщил лозунги, распространил идеи и передал знамена «протестантской ассоциации» ее менее респектабельным и более мятежным сторонникам на улицах Лондона? Кто отдал приказ напасть на дом Пристли в Бирмингеме? Иногда удается получить приблизительное представление об этом механизме связи: из дошедших до наших дней показаний многочисленных очевидцев известно, например, что приказ поджечь парижские таможни местные вожаки, такие, как бывший кузнец Дюамель, получили непосредственно из Пале-Рояля, штаб-квартиры герцога Орлеанского. Точно так же в октябрьские дни Станислас Майар руководил действиями масс в контакте с представительницами женщин, а Фурнье-американец вел агитационную работу среди жителей своего избирательного округа и рыночных торговек в Версале, убеждая их требовать возвращения короля в Париж⁹. В Англии в начале XIX в. сходную роль играли, видимо, местные предводители типа Неда Лудда, «капитана Свинга» или «Ревекки» в Уэльсе, а также другие местные вожаки, например чартисты Джои Фрост и Зсфалия Уильяме, возглавившие поход на Ньюпорт. В других случаях процесс возникновения массовых волнений установить не удастся. Можно, однако, предположить, что связь между руководителями, стоявшими наверху, и рядовыми участниками осуществлялась с помощью таких же вожаков-посредников.

Выше шла речь о руководителях, стоявших над массами и вне их. Каких же собственных лидеров выдвинули массы в ходе движений, подобных описанным выше, или во время забастовок и голодных бунтов, возникавших по инициативе самих масс? В ряде случаев — вообще никаких! После июльской революции 1789 г. на вопрос полицейских «кто приказал восставшим идти па Пале-Рояль и в другие районы столицы» участник события — грузчик — не колеблясь ответил: «У нас не было вожаков, мы все равны»¹⁰. Поверить в это, конечно, трудно, но все же в ходе некоторых массовых выступлений дело, видимо, именно так и обстояло. Как бы то ни было, а один из многих тысяч участников восстания охарактеризовал положение именно так. В подобных случаях полиция или ополченческие отряды, как правило, задерживали и подвергали перекрестному допросу не столько руководителей в общепринятом смысле этого слова, сколько тех, кто выделялся из общей массы своим энтузиазмом, мужеством и отвагой, предприимчивостью, тех, кто выкрикивал лозунги, совершал па виду у всех насильственные действия, или же тех, па кого доносили соседи. Например, некая работница из Йереса, арестованная как одна из зачинщиц голодных бунтов 1775 г., показала на допросе, что «у нее голова пошла кругом... она вошла в раж, как и все другие, и теперь не помнит, что говорила и делала». Должно быть, то же самое произошло и с Мари-Жанной Трюмо, которую тоже арестовали и приговорили к смертной казни за подстрекательские призывы к грабежам и поджогам во время Ревейоновых бунтов в апреле 1789 г. (а впоследствии помиловали). Пыльные досье парижской полиции хранят сведения и о других подобных вожаках — действительных или считавшихся таковыми. Среди них некая Лаваренн, неграмотная больничная сиделка, которая, по свидетельству Станисласа Майара, была руководительницей женщин — участниц похода на Версаль; Дюмон (по прозвищу Малыш), сыгравший видную роль в нападениях на парижские таможни в 1789 г.¹¹ Во время голодных бунтов во Франции в 1775 г. бунтовщиков, конфисковавших продовольствие, возглавляли иной раз весьма «респектабельные» граждане: фермеры, школьные учителя, местные чиновники и даже сельские священники.

В Англии бунтовщики приступали к «делу» — ломали молотилки, сносили изгороди и громили заставы, грабили и разрушали дома намеченных жертв — в строго определенное время по приказу своих признанных вожаков-«капитанов». Это были Том-цирюльник, вожак бунтовщиков в восточной части Лондона — участников айтиирландских выступлений на Гудмен-Филдз в 1736 г.; Уильям Пейтмен, колесный мастер, и Томас Таплин, каретник, возглавлявшие отряды бунтовщиков во время антипапистских беспорядков в Лондоне в 1780 г. Множество таких же вожаков было арестовано и во время других массовых волнений: при разрушении дома Пристли в Бирмингеме, поджоге стогов и приведении в негодность молотилок в южных графствах, уничтожении имущества граждан в Бристоле и в «гончарных городках» в 30—40-е гг. XIX в.

Отличительной особенностью такого рода вожаков было то, что они пользовались авторитетом у жителей лишь какого-то одного района и довольно непродолжительное время. Примечательно, что из нескольких сотен высланных позднее в Австралию участников беспорядков в Бристоле, в Поттериз, а также «бунтов Свинга», по-видимому, ни один не принимал впоследствии участия в других радикально-политических движениях.

Активность таких лидеров и их руководящая роль — действительная или приписываемая им — ограничивались рамками одного-единственного выступления и продолжения не имели.

Таким образом, различия между «активистами» и случайными участниками массовых волнений практически сводились к нулю. Правда, уже в XVIII в. бывали и исключения. Например, Джон Вэллин и Джон Доил, повешенные в Лондоне в декабре 1769 г., отнюдь не были случайными участниками бунта, «халифами на час». Это были признанные руководители забастовщиков, члены забастовочных комитетов, не раз принимавшие участие в выступлениях ткачей. Однако примеры такого рода встречались лишь в чисто трудовых конфликтах того времени. Только начавшаяся Французская революция породила тип последовательного борца, принимавшего участие во многих политических выступлениях. Трое из арестованных на Марсовом поле в 1791 г. были участниками взятия Бастилии, четверо других спустя год были убиты или ранены во время штурма Тюильри; среди тысяч обезоруженных и арестованных участников народного восстания в мае 1795 г. было немало активных и опытных борцов, получивших закалку в клубах и в революционной армии¹².

Подобные случаи, до того времени являвшиеся исключением, участились в Англии и во Франции после 1830 г. Во Франции в 1832 г., как уже отмечалось, промышленные рабочие принимали участие в нескольких следовавших друг за другом экономических и политических выступлениях; можно отметить и высокую политическую сознательность Джорджа Лавлиса, лидера дорчестерских сельскохозяйственных рабочих, высланного за свою активную деятельность в 1834 г. и возобновившего ее три года спустя после возвращения из ссылки. Этот процесс углублялся по мере распространения радикальных и социалистических идей и роста рабочего движения. Одной из отличительных черт массовых выступлений в новом промышленном обществе было появление активных борцов и лидеров, вышедших из гущи народных масс. Это были не случайные и никому не известные люди, а признанные и опытные народные вожаки.

Остается рассмотреть, наконец, еще один комплекс вопросов, связанных с поведением низов. Насколько справедливо утверждение Ле Бона, что «толпе» (которую он отождествлял с народными массами) свойственны изменчивость, иррациональность, склонность к насилию и разрушению?¹³

Рассуждения об изменчивости или «подвижности» масс вообще превратились в шаблон, английское слово «толпа» («mob») происходит от латинского *mobilis vulgus*: неудивительно, что всякий раз, когда правящие классы оказывались не в состоянии удерживать в повиновении низы, они изображали «толпу» как многоликое чудовище, тупое и бессмысленное. Анализ поведения масс «доиндустриальной» эпохи в данной работе достаточно убедительно показывает, что подобные утверждения вообще не имеют ничего общего с действительностью в тех случаях, когда речь идет о более или менее высокоорганизованных или церемониальных выступлениях, во время которых люди выполняли прямые приказы руководителей или внимали их речам. Подобные выступления могли, конечно, принять и иную форму, если, например, возникла паника, как это и случилось в «Питерлоо», когда йоменри разгоняли ткачей и их семьи, в организованном порядке вышедших на демонстрацию, или в Тюильри в 1792 г., когда в результате намеренной провокации народ перебил швейцарских гвардейцев, охранявших дворец. Далее, совсем в иных обстоятельствах (французские крестьяне в 1789 г. отказались от своих первоначальных планов обороняться от мифических бандитов и вместо этого безуспешно принялись громить феодалов, а мирная процессия «детей Ревекки» в Кармартене, к которой примкнула «городская чернь», закончилась разгромом местного работного дома).

Короче говоря, неожиданный поворот событий мог вызвать панику, поддавшись которой народ упускал из виду свои первоначальные цели; применительно к таким ситуациям утверждение о «переменчивости» толпы имеет под собой основания. В целом, однако, подобная «лабильность»

поведения не была типична для восставшего народа. Приведенные выше многочисленные примеры свидетельствуют как раз о противоположном: о твердых целеустановках народных масс, о целенаправленности их действий даже в тех случаях, когда они выглядели совершенно стихийными. Участники Гордоновых бунтов и бунтов под лозунгом «За церковь и короля!» в Бирмингеме уничтожали собственность лишь отдельных ненавистных им лиц, принимая все меры предосторожности, чтобы случайно не нанести ущерб их соседям. Разрушители машин в 1830 г., судя по всему, проводили четкую грань между «хорошими» и «плохими» фермерами; участники Ревейоновых бунтов в Париже грабили только продовольственные лавки. Нед Лудд и «Ревекка» неизменно проявляли крайнюю осмотрительность, намечая объекты для своих нападков; толпа, сжигавшая таможни в Париже, но тронула те, которые принадлежали герцогу Орлеанскому; во время сентябрьской «бойни» были казнены только лица, приговоренные к смерти импровизированными трибуналами. Стоит еще раз напомнить о шахтерах Кликхилла, которые, войдя в 1726 г. «в город (Ладлоу) в организованном порядке, — по свидетельству «Эннюзл реджистер», — окружили лишь один дом и, разрушив его, покинули город, не причинив более никому никакого ущерба»¹⁴. Анализ поведения масс «доиндустриального» периода позволяет предположить, что их бунты как раз были направлены на достижение конкретных целей. Уничтожение чужой собственности и физические расправы с непричастными были исключением.

Точно так же бунты, распространяясь, подобно эпидемии, за пределы того города или деревни, где они возникли, редко перекидывались на те районы, в которых непосредственного повода для такого рода бунтов не существовало. Достаточно вспомнить в этой связи Уилтшир, вошедший в 1830 г. в число южных графств, охваченных волнениями, а в 1839 г. ставший одним из центров чартистской агитации. Бунты 1830 г., во время которых батраки поджигали скирды у помещиков и фермеров, не распространились по традиционные центры волнения — текстильные города в западной части графства; напротив, при выступлениях в 1839 г., вызванных уже совсем иными причинами, чартисты — сторонники применения «физической силы» действовали наиболее активно именно в центрах текстильной промышленности, тогда как число сожженных скирд за все это десятилетие было минимальным¹⁵. Этот пример еще раз доказывает, что анализировать поведение масс и их руководителей надлежит лишь в неразрывной связи с социально-историческими условиями. Подобные примеры подтверждают, что поведение масс вообще нельзя считать «иррациональным» в обычном значении этого термина. Массы иной раз поддавались панике, питали иллюзии и несбыточные надежды, но цели, которые они перед собой ставили, были вполне реальны; более того, эти цели, как было показано выше, определяли и характер конкретных акций, и методы борьбы в соответствии с обстоятельствами.

Таким образом, изменчивость и иррациональность нельзя считать отличительными особенностями «доиндустриальных» низов. Бесспорно, массы прибегали и к насилию, в первую очередь к последовательному уничтожению материальных ценностей. Во время забастовок, бунтов и восстаний подобные акты насилия происходили столь часто, что их вряд ли можно считать случайным явлением или объяснить внезапной паникой. Более того, подобные акты насилия нередко заранее подготавливались «руководителями-героями», как, например, в «бунтах Ревекки» и луддитском движении в Англии; иногда массы, напротив, прибегали к насилию вопреки воле своих руководителей, как, например, во время Уилксовых бунтов и антипапистских беспорядков в Лондоне. Но чаще всего акты насилия происходили в тех случаях, когда массы действовали по собственной инициативе: при забастовках, во время голодных бунтов, Ревейоновых бунтов в Париже и (что особенно показательным) во время «бунтов Свинга» в 1830 г. в Англии. Как уже отмечалось, в некоторых случаях повлиять на ход событий и привести к разгулу насилия могли и совершенно непредвиденные факторы. Но даже и без учета этих факторов число разрушенных и поврежденных бунтовщиками того периода домов, церквей, изгородей, машин и мастерских было весьма значительным.

Таким образом, уничтожение имущества являлось главной формой активности в выступлениях «доиндустриальных» низов. Дело, однако, редко доходило до кровопролития, характерного для «жакерии», восстаний рабов, крестьянских войн и восстаний милленариев прошлого или для расовых и

общинных беспорядков более позднего времени. Пресловутая «кроважность толпы» — выдумка, основанная на немногих, к тому же подтасованных фактах. Как же обстояло дело в действительности? Число погибших от рук участников крупнейших английских бунтов, происходивших в городах и сельской местности в период с 30-х гг. XVIII в. по 40-е годы XIX в., было на удивление незначительным. Никто не погиб во время беспорядков в Бристоле и Бирмингеме, Уилксовых антиирландских и антипапистских бунтов, бунтов «Свинга» и других аграрных волнений и даже во время вооруженного мятежа в Ньюпорте в 1839 г. Ни один фермер, мельник, член магистрата или лесничий не был убит во время голодных бунтов 1766 г.; в ходе эдинбургского восстания 1736 г., поводом к которому послужило «дело Портеуса», в период луддитского движения и бунтов «Ревекки» погибло всего по одному человеку. Во время трудовых конфликтов дело, по-видимому, чаще доходило до кровопролития: в 1768 г. в Шэдуэлле грузчики убили матроса, а в 1769 г. спантлфилдские ткачи — солдата. Это, однако, не идет ни в какое сравнение с числом бунтовщиков, убитых при подавлении беспорядков вооруженной силой или казненных по приговору судов. В 1780 г. были повешены 25 участников Гордоновых бунтов, в 1761 — по меньшей мере 12 участников голодных бунтов, в 1769 — 8 грузчиков угля и 2 или 3 ткача, в 1812—1813 гг. — не менее 37 луддитов, а в 1830 г. — 19 участников бунтов «Свинга». Еще большее число бунтовщиков было убито солдатами: в 1740 г. в Поридже солдаты застрелили 5 бунтовщиков; в 1753 г. в Уэст-Райдинге во время бунтов против застав убили 10 человек и ранили 24; в 1761 г. в Хэксэме убили или ранили более 100 шахтеров: в 1766 г. во время голодных бунтов было убито 8 человек в Киддерминстере, 8 — в Уорвике, 2 — во Фроме и 1 — в Строуде; в 1768 г. на Сент-Джордж-Филдз погибло 11 человек, причем не «бунтовщиков», а мирных демонстрантов; 285 участников Гордоновых бунтов были расстреляны на месте или умерли от ран; 8 человек были убиты во время луддитских беспорядков 1811—1812 гг. и 7 — в стычке в Боссенденском лесу; во время бунтов в Бристоле в 1793 г. было убито и ранено 110 человек; в 1839 г. в Ньюпорте погибло 24 человека, а за двадцать лет до этого ланкаширские йоменри убили 11 и ранили не менее 420 человек в столкновении при «Питерлоо»¹⁶.

Сельские бунты во Франции, так же как и в Англии, были направлены скорее против собственности, нежели против ее обладателей. Во время беспорядков 1775 г. бунтовщики не убили ни одного человека, лишь в 1789 г. продовольственные бунты сопровождалось убийством нескольких лавочников и мельников. Чрезмерное кровопролитие не было характерно и для Французской революции, несмотря на ее насильственный характер. Участники «парламентских» беспорядков 1788 г. потеряли 8 человек убитыми и 14 ранеными, сами никого не убив. Во время Ревейоновых бунтов в апреле 1789 г. активность масс проявилась в уничтожении материальных ценностей, тогда как солдаты убили «несколько сотен» человек (точное число неизвестно), трое предполагаемых вожakov были повешены после подавления бунта. При штурме Бастилии нападавшие потеряли 150 человек, а сами после ее падения убили лишь 6—7 швейцарских гвардейцев, коменданта крепости де Лоне и одного члена муниципалитета. За период с июля по октябрь 1789 г. лишь четверо человек (в том числе один лавочник) стали жертвами народного самосуда; впоследствии 5 зачинщиков расправы были повешены за это и другие преступления. Во время крестьянских беспорядков летом 1789 г. бунтовщики убили 3—4 человек. В октябре в Версале восставшие убили двух гвардейцев, застреливших их товарища. Во время событий на Марсовом поле в июле 1791 г. толпа растерзала двоих, тогда как национальные гвардейцы Лафайета перебили свыше 50 демонстрантов. Во время продовольственных бунтов в Париже в 1792 и 1793 гг. и беспорядков в мае—июне и сентябре 1793 г. ни одна из сторон не понесла потерь. Во время последнего вооруженного восстания санкюлотов в мае 1795 г. массы, ворвавшись в Конвент, убили депутата Феро; наказание было суровым — 36 человек, включая 6 депутатов-якобинцев, были гильотинированы по приговору военного трибунала***.

Все эти данные свидетельствуют о том, что именно власти проявляли чрезмерную жестокость, расправляясь с восставшим народом, а не наоборот. Исключение представляют два эпизода периода Французской революции — события в августе и сентябре 1789 г. В первом случае речь идет об антироялистском восстании, 376 участников которого были убиты или ранены

защитниками режима; одержав победу, восставшие, обезоружив своих: противников, жестоко расправились с ними: были убиты 600 швейцарских гвардейцев. Во втором случае по приговору импровизированных трибуналов были казнены не менее 1100—1400 заключенных парижских тюрем, большинство из которых были не аристократами или священниками, а обычными уголовными преступниками¹⁷. Именно эти случаи приводят в пример Тэн и Ле Бон в доказательство своего тезиса о «кровавых инстинктах толпы». Безусловно, оба эпизода производят отталкивающее впечатление, однако для поведения масс они не типичны. В первом случае речь шла о военной акции, участники которой действовали по приказу своих командиров и вновь созданной революционной коммуны Парижа. Во втором — дело обстояло иначе. Последствия, к которым привело это выступление, не имевшее военного характера, объяснялись паникой, вызванной прорывом прусской армии под Верденом; большинство участников выступления были твердо убеждены, что заключенные при первой же возможности перейдут на сторону неприятеля и учинят над парижанами кровавую расправу. Однако и здесь приговоры, одобренные большинством, были приведены в исполнение небольшим числом «палачей», выполнявших (по крайней мере на первый взгляд) приказы членов коммуны и парижских секций¹⁸. Следует ли в таком случае считать народ (в том же значении слова, в каком оно употреблялось выше) активным или пассивным участником этих событий? Это спорный вопрос. Во всяком случае, оба эпизода не типичны для поведения и образа действий народных масс.

В заключение можно сказать, что массы, часто прибегая к насилию и действуя под влиянием момента, легко поддаваясь панике и остро реагируя на слухи, отнюдь не были изменчивы, иррациональны и не жаждали крови. Традиционная характеристика «черни», данная Ле Боном и подхваченная более поздними авторами, являясь свидетельством определенной образности мышления и наблюдательности ее автора, оторвана от исторической действительности, а потому тенденциозна, утрирована и неадекватна.

* Термин этот в изучаемое автором время имел несколько значений. В данном случае речь идет, по всей вероятности, о зажиточной части населения. — *Прим. ред.*

** Из 2255 заключенных-мужчин, высланных в Австралию в 1846—1847 гг., за поджоги были осуждены 89 человек, а из 2422 ссыльных 1852 г. — последнего года высылки в Австралию, за исключенном восточных районов страны, — 32 человека. (Tasmanian State Archives, MSS. 2/282—2/321).

*** См.: Rude G. *The Crowd in the French Revolution*, p.37—38, 56, 67—75, 89, 96—98, 116—117, 155—156; Lefebvre G. *Le Grand-de Peur de 1789* (Paris, №32), p. 242; Tonnesson K. *La defaite des sans-culotte* (Oslo and Paris, 1958), p. 330. Я не упомянул роялистское восстание в октябре 1795 г., во время которого обе стороны потеряли по 200—300 человек, так как, строго говоря, это не было народное выступление.

Ссылки на источники

1 Le Bon G. *The Crowd* (London, 1909), p.26; Lefebvre G. *Foules revolutionnaries*, в *Etudes sur la Revolution francaise* (Paris, 1954), p.273.

2 Lefebvre. *Op.cit.*, p.272.

3 *Middlesex Journal*, April 13—15 и 20—22, 1769.

4 *Hardy's Journal*, VIII, 475; Thompson E.P. *The Making of the English Working Class* (London, 1963), p.1681—1682.

5 Caiboni Rafaello. *The Eureka Storkade*, под ред. G.Serle (Melbourne. № 63), p.179.

6 Rude G. *The Crowd in the French Revolution* (Oxford, 1959), p.220—221.

7 Vauthier G. *Le cholera a Paris en 1832*, *La Revolution de 1848*, XXV (1928—1929), 234—241; Chevalier L. *Classes laborieuses et classes dangereuses* (Paris, 1958), p.XIX.

8 Le Bon. *Op.cit.*, p.133—134.

9 См. *The Crowd in the French Revolution*, p.48—49, 73—77, 229.

10 Archives Nationales Z² 4691 (July 29, 1789).

11 *The Crowd in the French Revolution*, p.230—231.

12 См. Wilkes and Liberty (Oxford, 1982), p.101—102; и *The Crowd in the French Revolution*, p.108, 230—231.

13 Le Bon. *Op.cit.*, p.16—17, 42, 73.

14 *Annual Register*, IX (1766), 149.

15 Hobsbawm E.J. *Economic Fluctuations and Some Social Movements since 1800*, *Economic History Review*, 2-я сер., V, i (1952). 8.

16 См. Wilkes and Liberty, p.51, 203-205; Wearmouth R. W. Methodism and the Common People of England of the Eighteenth Century (London, 1945), p.19-91; Williams D. The Rebecca Riots (Cardiff, 1953), p.213; Darvall F.O. Popular Disturbances and Public Order in Regency England (London, 1934) p.104, 120, 130; Thomson E.P. Op.cit, p.687; Hovell M. The Chartist Movement (Manchester, 1959), p.160, 59, 70, 76, 86, 89 и 155.

17 The Crowd in the French Revolution, p.104—105, 110.

18 Caron P. Les massacres de Septembre (Paris, 1935), p.100—102.

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ НАРОДНЫХ НИЗОВ

В заключение остается невыясненным важный вопрос:

привели ли описанные выше выступления масс, исполненные динамизма и энергии, нередко героические и неукротимые, к каким-либо положительным результатам? Чего достигли массы в описываемый период общественного развития во Франции и в Англии? Приходится признать, что сравнительно немногого. Пока профсоюзы, запрещенные законом, были слабыми и разобщенными, участники забастовок и иных выступлений за повышение заработной платы могли рассчитывать лишь на кратковременные ограниченные успехи. Парижские рабочие, прекратив работу в 1794 г., то есть во время войны, когда рабочих рук не хватало, добились значительного повышения заработной платы, которое, впрочем, было сведено на нет последовавшим ростом инфляции. Луддиты, которым, естественно, воспрепятствовать дальнейшему распространению паровых машин не удалось, все же вынудили предпринимателей-суконщиков Йоркшира и трикотажников центральных графств пойти на определенные уступки; но уступки эти потеряли всякое значение из-за экономической депрессии, которая продолжалась и после того, как бунты давно уже были подавлены. Участники английских аграрных бунтов — ткачи, шахтеры, фригольдеры, мелкие арендаторы, сельскохозяйственные рабочие, — сносившие изгороди, разрушавшие фермы и мельницы и устанавливавшие собственные цепи на пшеницу, зерно, мясо и масло, на день-другой восстанавливали социальную справедливость до прибытия воинских частей и ополченских отрядов. Солдаты разгоняли бунтовщиков и арестовывали их вожakov, которых затем казнили, сажали в тюрьмы или отправляли в ссылку, и вновь устанавливали привычный порядок. Французские голодные бунты 1775 г. сильно встревожили королевское правительство, ибо достигли такого размаха, что грозили перекинуться на столицу; однако Тюрго, сосредоточив крупные военные силы, разгромил бунтовщиков, не сделав ни малейших уступок в вопросах, послуживши в причиной волнений. По сути дела, из всех многочисленных голодных бунтов того периода только выступления в период Французской революции, особенно в 1793 г., достигли целей, поставленных их участниками.

Бунты в городах, в тех случаях когда они возникали не во время революций, оказывались немногим успешнее. Участники Гордоновым антипапистских бунтов были хозяевами лондонских улиц и течение недели, но так и не добились отмены Акта об облегчениях католикам, послужившего причиной волнений. Во время беспорядков 1791 г. запуганный Пристли вынужден был эмигрировать из Бирмингема в Соединенные Штаты, однако испугали его не только и не столько насильственные действия участников движения «За церковь и короля!», сколько непрекращавшееся преследование со стороны властей. Восстания во французских городах до 1787 г. были весьма незначительны и еще менее успешны, чем в Англии. О результатах массовых выступлений в Бристоле и Ноттингеме в 1831 г., как и в Бирмингеме и гончарных городках в 1839—1841 гг., трудно судить, ибо эти выступления являлись составной частью более широких движений: кампании за билль о реформе в первом случае и чартизма — во втором.

И все же наряду с поражениями массовые движения нередко достигали и неоспоримых успехов. Так, после бунтов «Ревекки» были уничтожены ненавистные заставы, уменьшен размер подати, а взамен непопулярных корпораций созданы советы графств. Бунты «Свинга» не привели к столь внушительным результатам; но все же в некоторых районах фермеры, негласно договорившись между собой, решили не заводить новых молотилок взамен разрушенных батраками. Активные действия сторонников Уилкса в Лондоне не только обеспечили ему блестящую победу на выборах, но в значительной мере

способствовали также развитию массового радикального движения в Англии. Чартистское движение, в свое время потерпевшее неудачу, едва ли можно считать безрезультатным: в течение последовавших ста лет пять из шести пунктов Хартли были приняты английским парламентом. Нет необходимости подробно останавливаться на том огромном влиянии, которое оказала Французская революция 1789 г. и в несколько меньшей степени революции 1830 и 1848 гг. на развитие событий в самой Франции и за ее пределами.

Почему же одни массовые выступления были успешными, а другие терпели полный провал? Ответ на этот вопрос связан с анализом целого ряда проблем — социальных, идеологических, политических и административных, которые возникали как до, так и после начала волнений*. Однако в этой небольшой по объему заключительной главе имеет смысл остановиться прежде всего на проблемах, возникавших после начала волнений. В первую очередь внимания заслуживают вопросы, связанные с успехами на начальных этапах тех или иных массовых выступлений. Если восставшие не обладали явным численным превосходством, их первоначальные успехи зависели от таких факторов, как внезапность, инициатива, использование географических особенностей данной местности. Например, участники аграрных волнений, как правило, сравнительно легко добивались некоторых успехов в начале бунта, до прибытия воинских частей или ополченческих отрядов. Так, в 1775 г. во Франции участники голодных бунтов беспрепятственно хозяйничали на рынках и в деревнях в течение целой недели и даже добрались до Версаля и Парижа, прежде чем Тюрго удалось сосредоточить военные силы, достаточные для подавления восстания. В Лондоне в марте 1768 г. сторонники Уилкса смогли без помех отпраздновать его первую победу на выборах в парламент от Мидлсекского округа, ибо полицейские силы были переброшены из Лондона в Brentford, где проходили выборы. Точно так же во время парижских голодных бунтов 1793 г. восставшие захватили бакалейные лавки, не встретив сопротивления, так как части национальной гвардии были в тот день направлены в Версаль.

В других случаях — при возникновении беспорядков в разных местах одновременно — даже самые опытные и решительные войсковые командиры и полицейские чины не могли эффективно использовать имевшийся у них перевес сил. Так, например, обстояло дело на первом этапе бунтов «Ревекки» и в начале луддитского движения в Англии. В апреле 1848 г. чартистский конвент по предложению Эрнста Джонса разработал план, как отвлечь внимание властей от Лондона, где планировалось выступление; по этому плану намечалось одновременно провести ряд демонстраций в провинции, «дабы тамошние смельчаки сковали силы стражей закона»¹.

Но подобная тактика могла обеспечить лишь временную передышку. Для достижения значительных успехов нужны были иные, более существенные предпосылки. Из всех приведенных выше примеров это удалось лишь в одном случае. В 1768 г. власти так и не смогли справиться со сторонниками Уилкса: народ шумно праздновал его победу и после возвращения в Лондон полицейских, направленных ранее в другие районы. Напротив, в Париже в феврале 1793 г. беспорядки были быстро подавлены вернувшимися в город национальными гвардейцами во главе с пивоваром Сантерром. И в других случаях, о которых уже говорилось, властям по прошествии какого-то времени удавалось мобилизовать необходимые силы для подавления волнений. В 1775 г. Тюрго направил против повстанцев целых две армии: одну в Иль-де-Франс под командованием маркиза де Пуайенна и другую — в Париж под командованием старого полководца герцога Бирона, и в течение недели бунт был подавлен. Как уже отмечалось, в Англии в 1812 г. против луддитов было брошено 12 тыс. солдат. В истории страны нет другого случая, когда в подавлении гражданских беспорядков участвовали бы столь крупные военные силы**. В годы наивысшего подъема чартистского движения в районы, являвшиеся его эпицентром, было стянуто большое количество солдат регулярных войск: 10 500 — в 1839 г. и 10 тыс. — в 1842 г. В апреле 1848 г. власти, готовясь окончательно разгромить чартистов, мобилизовали 170 тыс. специальных констеблей и сосредоточили в одном лишь Лондоне 7123 солдат регулярной армии и 1290 вооруженных наемников².

Цифры, безусловно, впечатляющие, однако можно предположить, что в конечном итоге дело было не столько в количестве солдат, сколько в готовности властей прибегнуть к военной силе и их способности эффективно ее использовать. Как уже отмечалось, многое зависело от того, насколько быстро и оперативно они стягивали войска, и в еще большей степени от решимости

членов магистрата и морального состояния констеблей и солдат. Известно немало случаев в истории английских бунтов, когда представители местных властей, пользовавшиеся уважением населения, приняв незамедлительные меры, в кратчайший срок ликвидировали возникшие беспорядки³. Солдаты, переброшенные в Лондон в июне 1848 г. на случай возможных выступлений чартистов, пользовались репутацией «людоедов». «Даже лорд Лондондерри, командир одного из полков, предупредил герцога Веллингтона, что его офицерам наверняка не удастся удержать людей, когда дело дойдет до расправы»⁴. С еще большей, чисто звериной жестокостью парижская мобильная гвардия, набранная из молодых рабочих и безработных, расправилась в том же месяце с защитниками баррикад. В 1830 г. герцог Веллингтон, стремясь поскорей покончить с бунтами «Свинга» в Хемпшире, искал на местах поддержки у представителей совсем иных социальных слоев.

«Я призвал членов магистратов, — писал он, — вооружить чем попало: хлыстами, пистолетами, охотничьими ружьями — своих слуг, конюхов, егерей и лесников, оседлать копей и выступить против черни, совместно или врозь, смотря по обстоятельствам, разогнать бунтовщиков и арестовать тех, кому не удастся скрыться. Многие с энтузиазмом откликнулись на мой призыв. Благодаря активным действиям и мужеству этих благородных людей порядок был наведен в кратчайший срок. Оказалось, что это лучший способ борьбы с бунтовщиками»⁵.

Иногда подобные «вдохновенные» призывы к проявлению классово-властной мощи — в частности, как в этом случае, — оказывались в высшей степени эффективными в деле организации борьбы с бунтовщиками. Случалось, однако, что они не находили отклика и даже напротив, озлобляли до этого не причастных к бунту людей, и спровоцированный таким образом накал страстей обращался против тех, кто их разжигал. Так было, например, в Париже в июле 1791 г., когда Лафайет, проявив «усердие», приказал своей национальной гвардии расстрелять безоружных демонстрантов, что вызвало бурю возмущения, справиться с которой оказалось нелегко. Жестокая расправа гвардейской пехоты над сторонниками Уилкса на Сент-Джордж-Филдз в 1768 г. и бойня, учиненная йоменри при «Питерлоо» при разгоне демонстрации ланкаширских ткачей, полвека спустя привели к таким же последствиям, хотя и в меньшей степени.

Однако намного чаще случалось, что успешно бороться с бунтовщиками властям мешало отнюдь не чрезмерное рвение, а иные, прямо противоположные причины. В подавлении беспорядков в Англии того времени наряду с толковыми, энергичными и респектабельными членами местных магистратов участвовали и другие — высокомерные и спесивые, или, напротив, нерешительные и трусливые. Такие администраторы озлобляли даже лояльных граждан и сковывали инициативу своих же констеблей и подчиненные им офицеров воинских частей. К тому же соблюдение целого ряда устаревших предписаний, в частности ненужных формальностей, связанных с Актом о мятежах, приводило зачастую к полной неразберихе. Хваленое право англичан на «сопротивление угнетению» можно было при желании истолковать как «право на бунт», особенно если парламентская оппозиция считала это выгодным для себя⁶. В некоторых случаях нежелание членов магистратов (как в Англии, так и во Франции) вызывать регулярные войска объяснялось не столько их чрезмерной осторожностью и нерешительностью, сколько явными или тайными симпатиями бунтовщикам. Даже во время французских голодных бунтов, подавленных быстро и энергично, некоторые члены местных магистратов исподволь потворствовали бунтовщикам, хотя и не саботировали открыто приказания Тюрго. Во время Гордоновых бунтов и Лондоне многие члены магистрата Сити выполняли свои обязанности с еще меньшим энтузиазмом. Будучи такими же противниками эмансипации католиков, как и сами бунтовщики, они, по сути дела, никак не вмешивались в происходящее, пока те не принялись уничтожать имущество всех граждан без разбора. Подобный молчаливый сговор между членами магистратов и бунтовщиками принимал подчас еще ~~более~~ ~~сложные~~ формы. Вряд ли, например, можно было рассчитывать, что во Франции в 1788 г. местные парламенты будут принимать решительные меры против бунтовщиков, действующих от их имени. Три года спустя во время бунтов против Пристли в Бирмингеме власти, по общему мнению, могли бы, если бы захотели, обнаружить зачинщиков буквально у себя под носом ~~—~~ ~~в~~ ~~лице~~ ~~у~~ ~~каждого~~ ~~магистрата~~.

Однако подобная нелояльность магистратов или их тайный сговор с бунтовщиками давали последним лишь временные преимущества и только в исключительных случаях, как, например, во время «восстания аристократов» во Франции в 1788 г., имели более серьезные последствия. Лишь таким ограниченными и реакционными движениями, как движение «за церковь и короля», этот фактор мог обеспечить полный успех. При подавлении народных волнений власти во Франции и Англии, как правило, прибегали к армии как к крайнему средству, и, пока армия в общем и целом сохраняла верность власти имущим, бунтовщики по представляли серьезной угрозы существующему порядку. В чисто теоретическом отношении гражданское население, имея оно возможность вооружиться в достаточной степени, могло бы захватить власть в столь короткий срок, что армия не успела бы оказать сопротивления или взбунтоваться против новых правителей, однако в действительности этого никогда не случилось ни в те времена, ни позднее. В Англии армия на протяжении всего описываемого периода хранила непоколебимую верность королю и парламенту, хотя в 1839 и 1840 гг. генерал Папьер, командующий вооруженными силами на севере страны, и выражал опасения, как бы чартистская агитация не заразила и его солдат⁷.

Во Франции армия, неприязненно относившаяся к тому или иному министру, не давала, однако, серьезных поводов усомниться в ее верности королю вплоть до осени 1787 г. Еще в 1783 г. Себастьян Мерсье считал абсолютно немыслимым, чтобы столь надежно охраняемый город, как Париж, стал ареной серьезных беспорядков, подобных Гордоновым бунтам в Лондоне, где полиция была не столь многочисленна⁸. Однако вскоре ему пришлось убедиться, что не все решает простая арифметика. Эффективность вооруженных сил во время гражданских беспорядков зависит не столько от их численности, сколько от готовности к беспрекословному повиновению. В 1787 г., а тем более в 1789 г. французская армия не проявила такой готовности. Брожение в армии сначала охватило не солдат, а офицеров. Французские офицеры того времени, в большинстве своем представители провинциального дворянства, давно уже были недовольны своим положением и медленным продвижением по службе. «Восстание аристократов» и предоставило им долгожданную возможность выразить это недовольство. В Бретани, Дофинэ и других провинциях они приказывали солдатам не стрелять в демонстрантов, отказывались арестовывать непокорных членов местных магистратов, одним словом, подавали пример неповиновения своим солдатам, которому, имея для недовольства свои причины, те не замедлили последовать.

В феврале 1789 г., еще до начала революции, Неккер предупредил короля, что полагаться на армию, охваченную недовольством, при подавлении гражданских беспорядков более нельзя. С этого времени для охраны двора в Версале, а позднее для наведения порядка в столице стали использовать иностранных наемников или части из отдаленных провинций. В апреле у парижских гвардейцев еще хватило лояльности расправиться с участниками Ревейоновых бунтов. Однако к июню они уже принимали участие в демонстрациях под лозунгом «Да здравствует третье сословие!», а в июле сыграли решающую роль в штурме Бастилии⁹. После этого родилась новая национальная армия, присягнувшая на верность нации и новой революционной власти. Но армейские части были расквартированы в провинциях, а охрану столицы несли части национальной гвардии. Национальная гвардия, вначале состоявшая почти исключительно из буржуа, как мы видели, была достаточно эффективной в разгоне демонстрации в июле 1791 г., однако постепенно она стала орудием санкюлотов в той же мере, что и Законодательное собрание. И только в мае 1795 г., когда в столицу были введены армейские части, народные выступления, являвшиеся отличительной чертой Французской революции на всех ее этапах, окончательно прекратились.

В 1830 и 1848 гг. переход вооруженных сил на сторону восставших сыграл решающую роль в поражении королевского правительства и победе революции. Однако события и в том, и в другом случае развивались иначе, чем в 1789 г. Восстание 1830 г. было кратковременным: три дня шли уличные бои, приведшие к низложению Карла X; на престол взошел Луи Филипп, остававшийся у власти в течение последовавших 18 лет. В феврале 1848 г. Луи Филипп в свою очередь был свергнут; основная заслуга в этом принадлежала национальной гвардии, а не армии, занявшей нейтральную позицию и не примкнувшей к восстанию. Хотя выступления народных масс против Временного правительства и

Законодательного собрания и были более многочисленны и лучше организованы, чем в 1789 г., для их подавления потребовалось на сей раз не шесть лет, а всего четыре месяца. В какой-то степени это объяснялось наличием железных дорог, сделавших возможным быструю переброску войск с голицу, однако гораздо более важным было то обстоятельство, что национальная гвардия и мобильная гвардия сохранили верность новому режиму, обеспечив ему в июне победу над восставшими.

Повторять, что исход народных восстаний и бунтов зависит главным образом от лояльности находящихся в распоряжении властей вооруженных сил, казалось бы, нет надобности. «Совершенно очевидно, — пишет Ле Бон, — что революции вообще невозможны без поддержки значительной части армии»¹⁰. Проф. Крейн Бринтон приходит к аналогичному заключению. «Едва ли кто усомнится в том, — пишет он, — что ни одно правительство не будет свергнуто до тех пор, пока оно полностью контролирует вооруженные силы и полицию»¹¹. Подобные утверждения, сами по себе бесспорные, еще не содержат всю истину; более того, они заставляют задуматься над еще одним, гораздо более важным вопросом: почему же армии вообще отказываются повиноваться властям, которые утрачивают контроль над вооруженными силами? Разумеется, это уже социально-политическая, а не военная проблема. Если члены магистратов попустительствуют бунтовщикам, а солдаты отказываются стрелять в восставших или даже братаются с ними, это означает, что классовая принадлежность и общность политических устремлений оказываются в определенный момент сильнее присяги на верность существующему строю и правительству.

Свидетельство тому — уже приведенные выше примеры неповиновения офицеров-дворян в 1788 г., солдат — в 1789 г. В феврале 1848 г. части национальной гвардии, изменившие Луи Филиппу, достаточно ясно дали понять — словом и делом, — что, как и городские торговцы, плоть от плоти которых они были, они полностью поддерживают требование о политической реформе, выдвинутое всеми средними классами в целом. Но само по себе это еще не могло обеспечить успех февральской революции, который в значительной степени явился результатом взаимодействия национальных гвардейцев с радикальными литераторами — выходцами из среднего класса и другими весьма различными социальными элементами, составлявшими революционные массы. По социально-историческим причинам этот союз оказался кратковременным; в июньском восстании народ потерпел поражение, лишившись поддержки своих союзников по февральскому выступлению.

Точно так же и революции 1789 г. крупные восстания и другие массовые выступления приводили к успехам и тех случаях, когда санкюлоты — основной компонент революционных масс — действовали совместно с различными представителями средних классов и даже с либерально настроенной частью дворянства. После того как этот союз различных социальных сил весной 1795 г. окончательно распался, демонстрации и бунты парижского простонародья были обречены на неудачу, точно так же как и выступления крестьян и городской бедноты в 1775 г.

Как уже отмечалось, в Англии массы гораздо реже достигали успехов, чем во Франции. Только однажды, в 1831 г., Англия была близка к революции: вспыхнувшие тогда волнения в Ирландии, аграрные беспорядки и недовольство низов и среднего класса первым биллем о реформе привели страну на грань гражданской войны. И дело не столько в том, что методизм или любое другое религиозное движение препятствовали в Англии революционному взрыву, отвлекая внимание масс от дел земных. Ни одно движение протеста английского низшего сословия, по крайней мере до 40-х гг. XIX в., не имело шансов на успех без поддержки других социальных групп. Но возникавшие лишь изредка подобные союзы оказывались кратковременными и приводили лишь к ограниченным результатам. Так, народный радикализм добился некоторых успехов, но это длилось только до тех пор, пока Уилксовы волнения низов были поддержаны мидлсекскими фригольдерами, лондонскими ремесленниками, лавочниками, торговцами. Точно так же «чернь», принимавшая участие в Гордоновых бунтах, оставалась хозяйкой лондонских улиц лишь до тех пор, пока члены магистратов и зажиточные граждане Сити не вмешивались в происходящее; как только они перешли к активным действиям, движение было обречено на поражение. Участникам движения «за церковь и короля» в Бирмингеме в 1791 г. едва ли удалось бы разрушить дом Пристли и изгнать его из города без явной или молчаливой поддержки некоторых членов городского магистрата.

«Дочери Ревекки» обязаны своими успехами не армии, которая была достаточно многочисленной для их подавления, а поддержке всего земледельческого населения и в какой-то степени готовности правительства пойти на некоторые уступки в вопросах, послуживших причиной бунтов. Чартисты не добились успеха потому, что даже довольно значительные масштабы движения все же не компенсировали поддержки со стороны средних классов, которой им так не хватало. В конечном итоге, однако, почти все шесть пунктов Хартии были позднее приняты именно под давлением тех самых представителей среднего класса, которые остались в стороне от чартистского движения в 40-х гг. XIX в.

Можно ли, однако, оценивать роль народных масс в истории лишь на основании их успехов и поражений? Бесспорно, в одних случаях влияние низов на ход событий было гораздо заметнее, чем в других. В этом смысле участники революций 1789 и 1848 гг. по своей сознательности и достигнутым успехам стояли на голову выше участников стихийных и зачастую обреченных на неудачу выступлений: всех тех, кто ломал ворота и машины, разрушал дома во имя «короля и церкви» или устанавливал свои цены на продовольствие во время голодных бунтов. Подобные различия немаловажны сами по себе. Но в более широком смысле низы «доиндустриального» периода, независимо от успеха или поражения народных движений, наложили свой отпечаток на историю целого периода. По мере развития общества менялся облик и самих народных низов, однако некоторые их черты как бы переходили по наследству к их потомкам. Санкюлоты, мелкие фригольдеры и батраки уступили место фабричным и сельскохозяйственным рабочим, на смену разрушителям машин, поджигателям стогов и бунтовщикам — участникам движения «за церковь и короля» пришли члены профсоюзов, рабочие-активисты, организованные потребители нового, «индустриального» общества. Случалось, что новое вино наливали в старые мехи. В целом, однако, можно с полным основанием считать, что эти ранние, незрелые и примитивные, зачастую обреченные на неудачу пробы сил были предвестниками позднейших движений, которые привели к более значительным и долговременным успехам.

* См.: Smelser N.J. *Theory of Collective Behavior* (London, 1982), p.261—268, 364—379. В этой работе говорится о так называемом «общественном контроле» бунтов и волнений.

** На последнем этапе Гордоновых бунтов 1780 г. в парках и на площадях Лондона было размещено 10 тыс. солдат (De Castro P. *The Gordon Riots* (London, 1926) p.263).

Ссылки на источники

1 Цит. по: Mather F.C. *Public Order in the Age of the Chartists* (Manchester, 1959), p.22.

2 Lavissee E. ed. *Histoire de France depuis les origines jus-qu'a la Revolution* (9 vols., Paris, 1911), IX, 33; Darval F.O. *Popular Disturbances and Public Order in Regency England* (London, 1934), p.259—260; Mather F.C. *Op. cit.*, p. 152, 163; Ho veil M. *The Chartist Movement* (London, 1818), p.290.

3 См., например, Darvall. *Op.cit.*, p. 244—245; Mather, *Op.cit.*, p.60—61.

4 Mather. *Op.cit.*, p.180.

5 Цит. по: Williams D. *John Frost* (Cardiff, 1939), p.59—60.

6 Hagvy E.A. *History of the English People in 1815* (3 vol., London, 1937), I, 183-198.

7 Mather. *Op.cit.*, p.177—181.

8 Mercier L.S. *Tableau de Paris* (12 vols., Amsterdam, 1783), VI, 22-25.

9 См. мою работу «The Outbreak of the French Revolution» в *The New Cambridge Modern History*, t.VIII.

10 Le Bon G. *The Psychology of Revolution* (New York, 1913), p.49; лит. по: Smelser N. *Theory of Collective Behavior* (London, 1962), p. 372.

11 Brinton Crane. *The Anatomy of Revolution* (New York, 1960), p. 266—267.

В библиотеке Vive Liberta ранее опубликована глава из этой работы «Французская революция: политический бунт, продовольственный бунт, трудовые конфликты» (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>).

Рекомендуем также

С.Лотте. «Дело Ревельона» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_rev.pdf)

З.Чеканцева. Об исторической природе насилия: Франция XVII-XVIII вв. (http://enlightment2005.narod.ru/papers/viol_chek.htm)

З.Чеканцева. Открытый протест как волеизъявление: Франция XVII-XVIII вв. (http://enlightment2005.narod.ru/papers/contr_chek.htm)

З.Чеканцева. Политические представления французских простолюдинов на исходе Старого порядка (http://enlightment2005.narod.ru/papers/peopl_chek.htm)

З.Чеканцева. Праздник и бунт во Франции между Фрондой и Революцией (http://enlightment2005.narod.ru/papers/fest_chek.htm)

З.Чеканцева. Устойчивые слухи в обществе как проявление «коллективного воображаемого» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/chekanz1.pdf>)

Ж.Лефевр. «Великий страх» 1789 года (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lefebvre1.pdf>)

Л.Февр о Ж.Лефевре. «Великий страх» 1789 года (рецензия) (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lefebvre2.pdf>)